На грани света и тени. Книга 1

Автор:
Ольга Распутняя

На грани света и тени. Книга 1

Ольга Сергеевна Распутняя

Стелла – королева лучшей школы в городе, не знающая никаких забот. Роскошный особняк, дорогая одежда, самый популярный парень – казалось бы, ее жизнь похожа на сказку. Но так ли все на самом деле?

Вероника – девушка из небогатой семьи, случайно попавшая в мир «золотой молодёжи». Она любит музыку и мечтает стать певицей, чтобы изменить, наконец, свою жизнь, но ей приходится рассчитывать только на себя.

Вероника познала только крохотную часть жизни. Стелла же успела пресытиться ею. Они из разных кругов. Они из разных миров. У них нет ничего общего. Что должно произойти, чтобы судьбы этих двух девушек переплелись и они навсегда изменили жизни друг друга?

Это история о вечной классовой борьбе и подростках, для которых эта борьба – лишь досадная помеха на пути к настоящей дружбе и любви.

Ольга Сергеевна Распутняя

На грани света и тени

Книга 1

Часть 1

По разные стороны

Вероника

Чем выше летает чайка, тем дальше она видит.

Ричард Бах «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»

Пронзительный звон расколол хрустальную утреннюю тишину, прозвучав особенно громко в молчаливом полумраке комнаты.

Безжалостно вырванная из сладкого мира грез, Вероника не сразу сообразила, что настырные раздражающие звуки исходят откуда-то извне, а не слышатся в ее медленно ускользающих сновидениях. Не открывая глаз, она четко отработанным за много лет движением нащупала на тумбочке телефон и провела пальцем по экрану, отключая будильник. Вероника – в отличие, кажется, от всего остального мира – никогда не переводила будильник на несколько минут вперед, пытаясь отсрочить неизбежное и еще хоть немного понежиться в заботливых объятиях постели. Напротив, она, словно певчая птичка, всегда радовалась пробуждению и ласковым лучам солнца – ей не терпелось поскорее выскользнуть из кровати и открыться навстречу новому дню.

Вот и сейчас Вероника довольно живо для шести тридцати утра отбросила одеяло и соскочила на обжигающе холодный пол. Сунув ноги в потертые тапочки, она подошла к окну и распахнула тяжелые бархатные шторы. В комнату тут же несмело проникли бледные лучи сентябрьского солнца, рассеяв

полумрак маленького душного помещения. Серое утреннее сияние осветило смятые лимонно-желтые простыни, старомодный шкаф с приоткрытой, слегка покосившейся дверцей, небольшой лакированный стол в углу, на котором лежал недоеденный бутерброд с сыром, вечно спутанные наушники и брошенный роман, который Вероника вчера читала до глубокой ночи. Девушка в очередной раз со вздохом подумала, что, увидев красные от недосыпа глаза и ужасающие синяки под ними, она наверняка пожалеет о том, что так поздно легла спать.

Позевывая и по пути закручивая упрямо торчащие в разные стороны золотисто-русые волосы в пучок, Вероника отправилась на кухню, едва не споткнувшись о небрежно брошенный отцом портфель. С трудом сдержав восклицание, Вероника тихо, чтобы не разбудить родителей, а особенно папу, который вернулся с работы всего несколько часов назад, убрала портфель на место. Бесшумно скользнув на кухню, она поставила на огонь чайник с черным ободком накипи. Пока он закипал, она насыпала себе полную пачку шоколадных шариков – с утра у Вероники всегда был отменный аппетит.

Глянув на часы и решив, что времени еще вполне хватает, она решила приготовить отцу завтрак. У мамы, которая тоже должна будет скоро встать, вряд ли найдется для этого время – мамина начальница была порядочной стервой и вполне могла уволить за малейшее опоздание. Мама же просто ненавидела ранние подъемы и предпочитала поспать подольше, из-за чего вечно не успевала и ужасно раздражалась.

Папе в последние месяцы пришлось взять ночные смены на работе, поэтому он жутко уставал, хоть и не подавал виду, неизменно сияя широкой улыбкой добродушного веселья. Вероника ужасно гордилась своим отцом – он всегда, вне зависимости от обстоятельств, держался молодцом. Но ее не так-то легко было обмануть. Она прекрасно понимала, что с деньгами у них в последние месяцы стало хуже обычного, раз ему пришлось еще больше загрузить себя неблагодарной работой. Весь этот тяжелый труд был совершенно несопоставим с теми жалкими грошами, которые ему небрежно бросали, чтобы у них было на что купить поесть.

Они никогда это не обсуждали, но Вероника-то знала, что всё из-за нее. У нее сжималось сердце от жалости и отчаяния, когда она думала о том, что родителям приходится идти на все возможное и невозможное, чтобы обеспечить ей более достойную жизнь, чем у них. Ей же оставалось только быть послушной девочкой и никогда их не разочаровывать. За ней с рождения и так по пятам

следовало чувство вины.

Вдруг что-то мягкое и шелковистое потерлось о ногу Вероники.

– Доброе утро, Людовик, – улыбнулась девушка и, наклонившись, ласково погладила нежную шерстку своего рыжего кота с забавными кругами вокруг глаз, придающими ему ученый вид. Все подхихикивали над этим именем, которое Вероника придумала шесть лет назад для крошечного ласкового клубочка шерсти, а она тогда расценила его как нельзя более подходящее для самодовольного выражения его мордашки. Кажется, она тогда впервые прочитала французский роман о королевском дворе, и назвать своего любимца именем Короля-солнце показалось ей донельзя оригинальным.

Людовик выжидающе мяукнул и нетерпеливо посмотрел на Веронику, явно не удовольствовавшись ее улыбкой. Вздохнув, девушка насыпала ему полную мисочку лучшего кошачьего корма, который только нашелся в магазине. Мама Вероники всегда с жаром утверждала, что питомцы – это их святая ответственность, и они ни в коем случае не должны страдать от финансовых проблем семьи. По мнению Вероники, в свое время ее мама явно перечитала «Маленького принца».

– В следующий раз, когда ты решишь устроить погром в пять часов утра, будь добр, имей в виду, что ты питаешься лучше всех в этом доме, – наставительно сказала Вероника. Людовик только презрительно мяукнул и погрузил нос в миску.

Вероника приготовила папе несколько сандвичей с ветчиной и сыром и еще парочку завернула с собой в школу. Вообще-то, в ее частной школе очень даже неплохо кормили (ну еще бы, за такие-то деньги!), но у нее всегда был завидный аппетит, а сегодня ей предстояло высидеть целых восемь уроков – старшеклассникам на последнем году явно решили не давать спуску. Веронике гораздо больше нравилось бы учиться, если бы из-за этого не приходилось уделять меньше времени музыкальной школе, которую она посещала по вечерам. А с музыкой у нее были связаны все надежды на единственно возможное для нее успешное будущее.

Мама все равно не завтракала, так что Вероника ограничилась тем, что открыла для нее новую банку «Nescafe» – всю первую половину дня мама поглощала его в

неумеренных количествах, изо всех сил пытаясь взбодриться и настроить себя на рабочий лад. Столько лет прошло, а она так и не привыкла к жесткому графику. Она все еще помнила то время, когда она просыпалась ближе к полудню и делала абсолютно все, что заблагорассудится. Это осталось в далеком прошлом, а она до сих пор не могла примириться с реальностью…

Вероника быстро расправилась с шариками, выпила чашку сладкого какао на молоке и поспешила в ванную. Ну разумеется, иначе и быть не могло – белки ее голубых глаз были покрыты красными прожилками, словно у вампира. Мысленно поклявшись себе никогда больше не читать до середины ночи, Вероника умылась и почистила зубы, посматривая на свое отражение. Вообще-то, Вероника не относилась к тому типу девчонок, которые часами разглядывают себя в зеркале – она просто не находила в своей внешности ничего особо примечательного. Довольно миловидна, конечно, но она всегда считала, что ее черты могли бы быть немного ярче. Как, например, у Стеллы Воронцовой с ее кошачьими выразительными глазами и блестящими темными волосами… Но так уж, наверное, мы устроены – что бы у нас не имелось, противоположность всегда кажется гораздо привлекательнее.

Глянув на часы и отметив, что пора бы уже поторопиться, Вероника открыла шкаф в спальне и быстро перебрала свой скудный гардероб. Она пока еще не пришла к собственному стилю, так что в ее шкафу можно было с равным успехом найти как мешковатую, словно с мужского плеча, толстовку, так и кокетливое коротенькое платьице с юбкой-колокол.

А вообще-то, она никогда слишком сильно не заморачивалась по поводу одежды, отдавая предпочтение толстовкам, джинсам клеш и любимым белым кроссовкам на массивной платформе. Если быть совсем уж откровенной, не то чтобы у нее имелся слишком большой выбор. В большинстве своем их с мамой шопинг заключался в том, что они шли в ближайший секонд-хенд или, в самом лучшем случае, на распродажу в «H&M», если там были ну совсем уж колоссальные скидки. Не сказать, что Веронику это так уж расстраивало. Но все же, когда в витринах брендовых магазинов заманчиво переливались роскошные ткани струящихся, усыпанных кристаллами платьев, стоимость которых равнялась зарплате ее мамы за месяц, Веронику посещала невольная зависть к богатеньким девчонкам, которым ничего не стоило купить себе такое, чтобы надеть его на одну вечеринку и оставить пылиться в шкафу.

В школе Вероники был строгий и, по ее мнению, абсолютно бредовый дресс-код, так что ей пришлось с отвращением надеть тесную белую блузку, в которой она даже не могла нормально поднять руки, и уже ставшую коротковатой плиссированную юбку. Вероника ненавидела школьную форму еще и за то, что та слишком сильно облегала ее фигуру, словно ее запихнули в цилиндр. Будто бы она и без того выглядела недостаточно худой! Ах, да, еще у нее совсем не имелось груди, словно ей было лет десять. Просто удивительно, как ей удавалось быть такой тощей при таком завидном аппетите! Мама всегда с сомнением говорила, что у нее, наверное, слишком ускоренный метаболизм, и советовала есть по утрам хлеб с маслом.

Не глядя на себя в зеркало, чтобы не портить лишний раз настроение, Вероника натянула бежевые капроновые колготки и, не выдержав, тихо выругалась. Ну разумеется, это были именно те колготки, на которых вчера пошла стрелка. Она не стала отправлять их в мусорное ведро, решив, что их вполне можно надевать под джинсы. И, как и следовало ожидать, это оказались ее последние колготки без стрелок. Вздохнув, Вероника полезла на мамину полку и забрала оттуда ее новые колготки, молясь только, чтобы они не понадобились ей именно сегодня.

Поняв, что уже начинает опаздывать, чего себе никогда не позволяла, девушка торопливо убрала длинные вьющиеся волосы в высокий хвост. Это было очередным дурацким правилом – нельзя появляться в школе с распущенными волосами. Можно подумать, если убрать волосы с глаз, перед ними сразу же откроется вся глубина познания! Впрочем, многие девчонки из их класса откровенно плевали на это правило. Но Вероника давно усвоила – то, что позволено отпрыскам богатых родителей, не разрешается всем остальным.

Даже не заглянув в расписание, Вероника по памяти наскоро побросала книги, конспекты, завернутые в жирноватую бумагу сандвичи и жвачку «Orbit» в свою уже вышедшую из моды бежевую сумку, которую она выцепила на совершенно немыслимой распродаже в «Pull&Bear». Затем нанесла на губы полупрозрачный вишневый блеск и слегка подкрасила ресницы уже засыхающей тушью от «Eveline», чтобы сделать глаза немного выразительнее. Накинув на плечи любимую кожаную куртку, с которой не расставалась до самой зимы, она тихо выскользнула из квартиры в промозглое осеннее утро.

* * *

Частная школа встретила Веронику привычной какофонией сотен голосов, толкотней и невообразимым сочетанием запахов свежих булочек и ароматного какао из столовой, дорогого парфюма старшеклассниц и пота спешащих на физкультуру пятиклассников. Вероника, слава богу, приходила в школу за двадцать минут до начала уроков, так что опаздывающие не сбивали ее с ног. У ее пунктуальности имелась и еще одна веская причина: она просто ненавидела входить в класс, когда все были в сборе, потому что в этом случае они пялились на нее до того момента, пока она не сядет на свое место.

Вероника просто терпеть не могла пристального внимания. Хотя за десять лет учебы можно было и привыкнуть – здесь обсуждали все и вся, начиная от того, что Кристина Самойленко заявилась в школу без бюстгальтера, и заканчивая тем, какая немыслимая стерва их математичка Раиса Аркадьевна.

Кстати, о ней! Вероника зашла в полупустой кабинет математики и мысленно застонала – Раиса Аркадьевна убийственными росчерками уже выводила на доске ровные и мелкие, как бисер, строчки цифр, букв и знаков, издалека похожих на какую-то древнюю руническую тайнопись. Вероника сразу же настроилась на худшее – как она ни пыталась вникнуть в эти иксы, степени и логарифмы, ее мысли сразу же разлетались, как цветное конфетти, стоило ей только посмотреть на них. Возможно, она бы лучше понимала этот предмет, если бы все вечера у нее не занимали занятия в музыкальной школе. И, если к языкам, литературе и истории у Вероники были природные способности, то точные науки оставались для нее тайной за семью печатями, вызывая одно лишь недоумение насчет того, как нахождение неопределенного интеграла, собственно, должно помочь ей в жизни.

– Здравствуй, Вероника, – улыбнулась Раиса Аркадьевна своей суховатой, как столбцы написанных ею уравнений, полуулыбкой.

Она, если откровенно, была довольно неплохая – никогда не требовала ни от кого невыполнимого, но со способных учеников спрашивала со всей строгостью. Свои чувства Раиса Аркадьевна прятала под непробиваемой глыбой льда, так что никогда нельзя было сказать наверняка, как к кому она относится на самом деле. Разговаривала она ровным, никогда не меняющим интонации голосом, а когда она злилась, ее выдавали только морщинки вокруг тонких, накрашенных бордовой помадой губ. По непонятной причине именно этот, совершенно не подходящий ей яркий оттенок помады каждый раз притягивал к себе взгляд Вероники.

Класс был полупустым – многих родители или водители привозили в школу к самому началу урока, а то и позже. Вероника скользнула на свое место за первой партой, где уже сидела ее одноклассница Вика Волошина. У нее были огромные круглые очки и перепаленные утюжком тусклые волосы неопределенного бледно-соломенного оттенка. Вика сидела на первой парте, потому что плохое зрение не позволяло ей видеть написанное на доске с расстояния более полутора метров. Вероника была не слишком в восторге от такого соседства, так как Вика, кажется, страдала социопатией и, в довесок, имела довольно раздражающую привычку мелко тарабанить пальцами по столу всякий раз, когда нервничала. Зато здесь Веронику не отвлекали вечные перешептывания девчонок об их отвязных пати и похабные шуточки Вадима Вакулы.

Вероника вытащила из сумки конспекты и с трудом выудила где-то между страницами учебника по зарубежной литературе ручку. Пока еще оставалось время до звонка, она начала напряженно вглядываться в методично покрывающие доску меловые линии, надеясь, что сможет хоть что-то понять. Не преуспев в этом, Вероника откинулась на спинку стула и, как всегда, мысленно унеслась в музыкальную школу, где она освобождалась от оков реальности и уносилась в бескрайний воздушный мир, сотканный из хрустальных переливов ее голоса…

Тем временем класс постепенно заполнялся. Веронике не нужно было оборачиваться, чтобы представить себе, как, громко цокая немыслимо высоченными шпильками, в класс заплывают гламурные девчонки с идеально уложенными волосами и вальяжной походкой с видом королей вваливаются одетые с иголочки парни, источая запах дорогого одеколона и небрежно бросая на парты сумки от «Армани».

Нет, Вероника, конечно, была благодарна родителям за шанс стать выпускницей престижной частной школы. Но, если быть откровенной, как только она повзрослела достаточно, чтобы понять, что у кого-то сумка от «Michael Kors», а у нее с распродажи, она сразу же пожалела, что ее не отдали в обычное государственное заведение, где учились дети одного с ней статуса. Но нет, родители решили, что частная школа с гораздо более современными методами, индивидуальным вниманием и инновационными технологиями сможет дать ей гораздо больше перспектив для успешного будущего. Ну да, еще бы школе не одаривать их такой бдительной заботой, раз они платят ей такие сумасшедшие деньги!

Так что Веронике приходилось натянуто улыбаться и делать вид, что посещение столь фешенебельного заведения, которое было им не по карману, доставляет ей огромное удовольствие. Интересно, родители действительно не понимали, в какое сомнительное положение они ее поставили, заставив учиться с детьми сливок общества, в то время как она была дочерью обычных людей? Вероника, конечно, безмерно уважала своих родителей, была им благодарна и все такое, но иногда они просто поражали ее своей оторванностью от реального мира. Разумеется, она скорее отрезала бы себе язык, чем открыла бы им глаза на то, как она чувствует себя здесь каждый божий день.

Вероника уже молчала о том, что жертвенное решение родителей легло на их плечи непосильной ношей, потому что обучение стоило очень дорого, а денег и так вечно не хватало. На оплату учебы уходил практически весь их бюджет, и Вероника от этого испытывала непреходящее чувство вины. Но это было бы для нее еще половиной беды, если бы школа не вызывала в ней такое отвращение. Каждый день пребывая в этом элитном, пахнувшем духами от «Givenchy» мире самоуверенных детишек богатеньких родителей, она до боли остро чувствовала, насколько же нелепо и абсурдно она здесь смотрится – словно невзрачный воробушек, по ошибке затесавшийся в стаю прекрасных лебедей. Изо дня в день она вынуждена была сносить жалостливые взгляды одетых в дорогущие брендовые шмотки одноклассниц. И каждую минуту она испытывала непреодолимое желание побыстрее укрыться от них в спасительных стенах музыкальной школы, где никто не мог с ней сравниться.

Вероника не испытывала иллюзий относительно своего положения. Она всегда считала, что каждый должен быть на своем месте, а не стремиться туда, куда ему дорога заказана. А Вероника отнюдь не тешила себя наивными мыслями, что она принадлежит к этому богемному миру только потому, что учится в той же школе. На самом деле Вероника была этому только рада – у нее никогда не возникало желания присоединиться к ним. Напротив, чем больше времени она проводила среди этих людей, тем больше их мир казался ей смешным, нелепым и каким-то… бумажным. Стоит подуть легкому ветру – и он разлетится, словно карточный домик, ничем не крепящийся и ни на чем не основанный. И потому она так и не смогла свыкнуться с ощущением, что ее заставили расти на чужеродной почве. Ну кто, спрашивается, просил родителей засовывать ее сюда?!

До начала урока оставалось всего несколько минут, когда последними в классе появились сливки местного общества. Все обернулись, молчаливо приветствуя

их. Золотая молодежь. Элита. Те, в чью компанию все старались влиться и на кого все равнялись. Если все остальные были почетными гостями, то именно они правили балом.

Вероника только закатила глаза, когда услышала за спиной пафосно растягивающие слова мужские голоса и нарочито громкий мелодичный женский смех. Ну разумеется, они даже не потрудились понизить тон, словно давая понять, что они оказали всем огромное одолжение, вообще сюда заявившись. А уж о том, чтобы придать своему поведению хотя бы видимость почтения, и речи не было. Вероника видела, как слегка дернулся уголок рта у Раисы Аркадьевны, но она проглотила это, потому что до звонка не имела никакого права одергивать учеников.

Вероника слегка повернула голову – как раз вовремя, чтобы увидеть, как, откидывая идеально уложенные волосы, за парты изящно опустились Яна Андронова и Лена Доронько, тут же жеманно оправив почти одинаковые юбочки. Веронику не оставляло ощущение, что, несмотря на то, что и внешне, и по характеру они совершенно не были похожи друг на друга, нахождение в одной компании заставило их настолько перенять жесты и привычки друг друга, что они выглядели практически на одно лицо. И, что бы ни делали и ни говорили эти двое, Вероника во всем находила отпечаток совсем другого человека, которым они восхищались и которому подражали. Кстати, интересно, где же их блистательная предводительница?

Элита занимала последние парты среднего ряда, словно для того, чтобы иметь обзор сразу всего, что происходит вокруг. Правда, парта перед Яной и Леной пустовала, и никто, если только он не отъявленный самоубийца, по доброй воле не занял бы это место. Оно находилось в самом центре класса и предназначалось для королевы улья. Вероника знала, что она предпочитала сидеть одна – кажется, у нее был пунктик по поводу личного пространства. И неважно, присутствовала она в классе или нет, – занять это место значило бросить вызов установившимся за много лет законам и сразу же объявить себя изгоем. А все знали, что, перейдя дорогу элите, лучше сразу же паковать вещички и выметаться из школы. Потому что даже отбывание срока в колонии покажется более предпочтительным, чем «сладкая жизнь», которую могла устроить эта компания.

Яна Андронова была очень высокой красивой девушкой с претензией на образ леди-вамп. Не обращая никакого внимания на то, что начинался урок, она

достала из стильной черной сумки из замши расческу и принялась приводить в порядок свои яркие рыжие волосы, которые и без того выглядели безупречно. У Яны была какая-то мания насчет своих волос. У Вероники создавалось впечатление, что, если она не расчесывала их хотя бы минут пятнадцать, у нее начиналась ломка, как у наркоманки. Еще у Яны имелась выводящая из себя привычка вечно поджимать губы. Возможно, она считала, что так выглядит более царственно, но, по мнению Вероники, это выглядело так, словно ее все время мучили спазмы в животе. Вероника просто терпеть не могла Яну – появлявшееся на лице девушки надменное выражение всякий раз, когда она смотрела на Веронику, вызывало в той желание подойти к зеркалу и проверить, нет ли на ее блузке пятна.

А вот Лена Доронько, с милым кукольным личиком и губами-сердечком, всегда вызывала у нее что-то вроде добродушной насмешливости и немало ее забавляла. Лена была гораздо приятнее своей подруги, но, как Вероника подозревала, не от наличия в ней добрых чувств, а от врожденной беззаботности и абсолютно ровного отношения ко всему и вся. Веронике порой вообще казалось, что Лена лично не испытывала ни к кому хоть сколь-нибудь полноценного чувства, а лишь зеркально отражала реакцию своих более категоричных подруг. Насмешить ее могло буквально все, начиная с какой-то третьесортной шуточки и заканчивая сломанным каблуком. Разверзнись перед ней земля, она бы, наверное, и глазом не моргнула, а только удивленно захлопала бы ресничками и подкрасила губы. Наверное, в этом и состояло ее безыскусное обаяние: легкомысленная сладенькая девочка, которая не может не вызывать снисходительной, но все же симпатии.

Лена, оправив свою экстремально короткую плиссированную юбку, от чего та, в общем-то, не стала лучше прикрывать ее тощие ноги, тут же развернулась к появившимся вместе с ними и опустившимся за следующую парту парням. Темноволосый Ник с несколько небрежной красотой и трогательными голубыми глазами (по мнению Вероники, наиболее приятный из всей их компании) тонко улыбнулся и приложил палец к губам, указав на учительницу. Вероника так и не смогла составить о нем мнения, но в целом он производил на нее благоприятное впечатление хотя бы потому, что не ходил по школе с высокомерным видом и не лез из кожи вон, чтобы все поняли, что он плевать хотел на правила. Он не страдал снобизмом и общался на равных как со своими элитными приятелями, так и с мелкой сошкой. А однажды, когда у Вероники упала сумка, он даже не погнушался помочь ей собрать вещи, не обращая никакого внимания на презрительное фырканье Яны. Ник нарушал установленные ими же правила с такой беззаботной непринужденностью, что ему спускали то, за что остальные

бы уже вылетели из их компании, которая требовала соблюдения строгой иерархии и общения только с теми, с кем должно было. Вот только Вероника не могла понять, действительно ли он довольно неплох или все это для него своего рода забава.

А вот его приятель Вадим Вакула, знаменитый своей не знающей никаких границ наглостью и самыми отвязными вечеринками, совершенно не смутился от того, что урок уже начинался, и, по-хозяйски положив свою руку на спинку стула Лены, отвечал ей что-то вызывающе громко. Та начала неустанно хихикать, поглаживая его руку и совершенно не обращая внимания на недовольный взгляд Раисы Аркадьевны. Вероника не раз видела, как Вадим и Лена таким же образом ведут себя и с остальными, так что характер отношений между ними оставался для нее загадкой.

Вдруг Яна резко подняла голову и, уловив взгляд Вероники, тут же подняла брови и поджала свои искусно подведенные губы, которые, кстати говоря, казались Веронике ненатурально полными. Вероника, вспыхнув, торопливо отвернулась.

– Привет, дорогая, – донесся из-за спины Вероники щебечущий голосок Кристины, которая, встав со своего места и не поленившись обойти чуть ли не целый ряд, расцеловалась с обеими девушками (у Вероники всегда вызывало недоумение это наигранное приветствие, когда девушки клевали ярко накрашенными губами воздух где-то в области щек друг друга, чтобы не оставить след от помады). Вероника красочно представила то, как передернуло обеих девчонок. Даже она прекрасно знала, что Яна и Лена на дух не переносят Кристину, считая ее откровенной дешевкой. Впрочем, это знали абсолютно все. Ну, кроме Кристины – она-то считала, что находится с ними в прекрасных отношениях. Но вот что было Веронике совершенно непонятно, так это почему девушки поддерживают с ней видимость дружбы. Нет, решительно ей никогда не понять хитросплетений взаимоотношений между элитой.

Громко зазвенел звонок, и Вероника поморщилась – ее тонкий слух, привыкший к нежным мелодиям музыкальных инструментов, тяжело переносил такие неприятные звуки. А вот на Кристину звонок, по-видимому, не произвел особого впечатления – она все еще продолжала что-то неразборчиво тараторить, видимо, поставив целью во что бы то ни стало рассказать до конца какую-то невероятно, по ее мнению, интересную историю, которая приключилась с ней на пати у бассейна ее друга.

– Кристина, будь добра, окажи мне любезность занять свое место, – прозвучал ледяной голос Раисы Аркадьевны. Когда она выбирала такой тон, даже самая откровенно плевавшая на учителей часть их класса – и та замолкала. Кристина вздрогнула и разочарованно вернулась на свое место, едва не споткнувшись на тонких шпильках под строгим взглядом учительницы. Вероника услышала, как в тишине класса хихикнула Лена. Раиса Аркадьевна предпочла не обращать на нее внимания – Лена хихикала почти постоянно, и все уже давно приняли это как данность.

– На прошлом уроке мы начали разбирать логарифмы. Как я уже говорила, это одна из самых важных тем в нашем курсе. Я думаю, мне нет нужды объяснять, что логарифмы обязательно будут включены не только в семестровую контрольную, но и в финальные экзамены, от которых будет зависеть ваше поступление в университеты…

Раиса Аркадьевна вернулась к своему обычному ничего не выражающему тону, а Вероника, как всегда, погрузилась в размышления. Подперев голову ладонью, она уныло скосила глаза на еще одно пустовавшее место в конце класса. Интересно, почему он не пришел? Может быть, просто опаздывает? А что, если он заболел и она не увидит его еще…

– Вероника, не хочешь решить первое уравнение? – прозвучал негромкий голос Раисы Аркадьевны, который раздался у Вероники в голове громче сигнального колокола, оповещающего о бедствии. Раиса Аркадьевна обладала поистине неподражаемой способностью задавать вопросы утвердительным тоном. Так что Веронике ничего не оставалось, кроме как с вымученной улыбкой кивнуть и пойти к доске, чувствуя, как двадцать пар глаз буравят ей спину.

Что ж, день обещал быть просто прелестным.

Стелла

Она была красива той не поддающейся определению красотой, которую питают радость, воодушевление, успех и которая, в сущности, есть не что иное, как гармония между темпераментом и обстоятельствами жизни.

Гюстав Флобер «Госпожа Бовари»

Она ворвалась в класс подобно потоку света и, казалось, озарила все вокруг сверкающей аурой, неизменно окружавшей ее.

Стелла, окинув собравшихся мимолетным взглядом, прошествовала через весь класс на своих невероятно высоких каблуках, ничуть не смущаясь ни устремленных на нее взглядов, ни того факта, что она заявилась к самому концу урока. Ей, честно говоря, было на это совершенно наплевать. Не сбавляя хода, Стелла небрежно бросила на преподавательский стол записку, перекинула длинные волосы с плеч на спину и, мило улыбнувшись, опустилась на место, явно довольная собственным эффектным появлением.

Стелла была в столь ужасном настроении, что даже не стала утруждать себя каким-либо объяснением своего опоздания. Она не выспалась и чувствовала себя отвратительно, потому что вчера до самой ночи досматривала последний сезон сериала «Сплетница». Мало того, что ей нестерпимо хотелось спать, так ее еще и одолела ужасающая хандра из-за того, что ее любимое шоу подошло к концу. Правда, она пересматривала его уже столько раз, что знала наизусть все диалоги между Блэр Уолдорф и красавчиком Чаком Бассом, но все равно каждый раз для нее это было концом света.

Кроме того, сегодня утром она обнаружила на своем идеально чистом лбу прыщик и тут же прокляла клюквенный сок, которым она увлеклась в последнее время, прочитав в каком-то глянцевом журнале, что клюква способствует похудению. Это настолько вывело ее из себя, что она заставила себя явиться только ко второму уроку, предварительно подделав записку от семейного врача о том, что ей нездоровится. Стелла была уверена, что даже самому узколобому учителю ясно, что она подделывает записки, но хотела бы она посмотреть на того, кто ей об этом скажет. Все прекрасно знали суммы пожертвований, которые ее отец вносил в бюджет школы в качестве благодарности за образование своей дочери.

Так что Стеллу раздражало буквально все и вся, начиная от подведенных отвратительно безвкусной помадой губ их учительницы математики и заканчивая чересчур короткой юбкой своей подруги Лены. Черт возьми, ей казалось, она достаточно много раз намекала Лене, что пора бы уже перестать одеваться как малолетняя проститутка. В конце концов, сексуальность уместна до определенного предела, плавно переходя в отталкивающую пошлость. Раз уж Лена считается ее подругой, то было бы неплохо, если бы она ее не позорила.

– Привет, красотка, – шепнул ей Вадим, когда она проходила мимо. – Выглядишь потрясно!

Стелла только закатила глаза. Каким же нужно быть законченным идиотом, чтобы флиртовать с ней прямо на глазах у Лены, на которую у него виды! Впрочем, Вакула подкатывал практически ко всем особам женского пола, исключая разве что их школьную повариху. Это было у него в крови. «Интересно, он вправду думает, что все от него без ума, или это просто защитная реакция после какой-то душещипательной детской раны вроде того, что мамочка не любила его?» – подумала Стелла.

Честно говоря, она на дух не переносила Вадима Вакулу и терпела его только потому, что он был другом Макса и Ника. Его неуемное самомнение и вечный вид человека, у которого вся школа в кармане, постоянно выводили ее из себя. А от его абсолютно идиотских пошлых шуточек ее просто выворачивало. Впрочем, Лена, кажется, и не думала обижаться на него. Действительно, с чего бы, если она сама вела себя точно так же? Боже мой, вот уж парочка!

– Стелла, мы уж думали, ты сегодня совсем не почтишь нас своим присутствием, – перегнувшись через парту, шепотом сказала Яна, когда Раиса Аркадьевна отвернулась к доске. – Что-то случилось или просто ты не хотела видеть рожу старой горгульи на грани климакса?

– Что-то вроде того, – небрежно бросила Стелла, слегка повернув голову. – Кстати, милый жакет, это из последней коллекции?

По мнению Стеллы, никакие деньги не компенсировали неудачного фасона, а этот жакет явно прибавлял Яне парочку лишних килограммов. Но, в самом деле, не говорить же ей об этом? Яна, в отличие от Лены, была раздражающе обидчива и к тому же имела внушительный запас комплексов по поводу объема

своих бедер. Так что приходилось время от времени ее подбадривать.

Сама же Стелла была в таком дурном настроении, что даже не стала слишком заморачиваться по поводу одежды. Обычно она целое утро крутилась перед зеркалом, оттачивая свой образ до малейших деталей. У нее было несколько важных правил, которые она соблюдала строже, чем англичане Хартию вольностей в XIII веке.

Во-первых, никогда не надевать одну и ту же вещь чаще, чем раз в месяц, аксессуары же – чаще, чем раз в две недели. Во-вторых, никаких свитеров, толстовок, вязаных кардиганов и прочего – она скорее замерзнет до смерти, чем наденет подобную безвкусицу. В-третьих, ни при каких обстоятельствах она не будет ходить в трениках. Треники годятся лишь для тех, на кого больше не налезает никакая одежда. «Раз уж имеешь определенный статус, то, будь добра, держи марку» – был ее девиз. Ну и, в-четвертых, никакого фиолетового. Боже упаси ее дожить до того момента своей жизни, когда она наденет фиолетовый! Стелла с детства терпеть не могла этот цвет, считая, что его выбирают одни психи, и нещадно высмеивала любого, кто оказывал ему предпочтение.

Ее стиль одежды был, в зависимости от ситуации, изысканно-классическим, как у ее любимицы Блэр Уолдорф, или дразняще-гламурным, но ни в коем случае не вульгарным. Стелле доставляло огромное удовольствие вносить в свои образы новые нестандартные детали, которые бы ассоциировались у всех только с ней, и она откровенно забавлялась, наблюдая, как другие стараются их повторить.

Но сегодня Стелла, вопреки обыкновению, оделась довольно просто – в меру короткая школьная юбка-карандаш, белая рубашка с узким треугольным вырезом от «Dolce&Gabbana», которая эффектно подчеркивала ее формы, и нарочито небрежно повязанный галстук. Эта показная небрежность была одной из ее маленьких изюминок – вместо того, чтобы презирать школьную форму, Стелла приспособила ее к собственному стилю. Она знала, что все девчонки в школе пытались повторить ее расслабленные образы, но выглядели они при этом так, словно у всех в квартирах исчезли зеркала. Глупышки, они так и не поймут: чтобы одеваться небрежно, нужно сначала научиться выглядеть без малейшего изъяна.

Пока Раиса Аркадьевна проводила нещадный допрос Артема Пономарева, который носил джинсы с вызывающе низкой посадкой, девушки продолжили разговор.

– Боже мой, скажите ему кто-то, чтобы он поднял штаны повыше, – хихикнула Лена. – Я буквально могу прочитать этикетку на его трусах!

Это показалось очень смешным. Стелла не могла не признать, что временами ее шутки действительно были довольно остроумными.

– А ты бы лучше перестала разглядывать чужие трусы, а сосредоточилась на том, на чье белье глазеет твой Вадим. Как ты позволяешь ему флиртовать с другими у тебя на глазах?! – возмущенно прошептала Яна. После того, как бывший парень Яны променял ее на какую-то вульгарную девятиклассницу с третьим размером, вопросы такого рода вызывали у нее особенно болезненный отклик.

– Ох, не будь такой ханжой, Яна, – прошептала в ответ Лена, накручивая на палец свой мелированный блондинистый локон. – Меня все вполне устраивает. Я могу встречаться с кем хочу, и он тоже может встречаться с кем хочет. Ну, а если мы не найдем никого получше, мы всегда есть друг у друга. Разве это не мило?

– Тебе самой не противно, когда ты это говоришь? – презрительно фыркнула Яна. – Интересно, почему ты открываешь рот, а я слышу голос Вакулы?

– Брось, Яна, – лениво вмешалась Стелла. – Это ее дело. Раз уж Лену все устраивает, то тебя и подавно должно.

Яна недовольно поджала губы. Ей явно хотелось развить тему, но Стелла недвусмысленно поставила точку в этом разговоре. Она прекрасно понимала, что Яна не может угомониться из-за того, что бывший бросил ее ради какой-то развязной малолетки. А вот Лена благодарно улыбнулась ей. Стеллу время от времени забавляло принимать сторону то одной, то другой из своих лучших подруг и наблюдать за тем, как победоносно себя чувствует та, кого она поддержала.

– Кстати, ты уже выбрала наряд на благотворительный вечер к Акининым? – поинтересовалась Лена. – Нам с мамой начали шить платья. Ты же знаешь ее привередливость, она вечно не может найти в магазинах ничего, по ее словам, даже отдаленно сносного. Мое платье уже почти готово. Ой, девочки, вы бы

умерли от зависти! Вельвет, кристаллы по линии выреза, просто сногсшибательный вырез, а по нижней кромке…

– Вот черт! – выругалась Стелла, давно переставшая слушать восторженные излияния Лены.

Она совершенно забыла об этом вечере, а ведь он приходился уже на эти выходные. В выборе наряда Стелла была всецело человеком настроения, и сейчас ей хотелось чего-то дразняще-кокетливого, не слишком вычурного, но в то же время элегантного. А она, как ни старалась, не могла припомнить в своем гардеробе ничего похожего.

– Скажи Нику и, раз уж тебе так хочется, Вадиму тоже, что мы не идем на последние уроки. Отсидим английский и едем по магазинам. Я совершенно не представляю, что мне надеть.

– Ох, у меня и так куча пропусков, – захныкала Лена. – Еще парочка, и у меня будут большие проблемы.

– Ради бога, оставайся, – фыркнула Стелла. – И не забудь сделать конспект, раз уж ты решила превратиться в законченную заучку.

Лена только тяжело вздохнула. Она лучше бы вылетела со школы, чем пропустила шопинг.

– А парни нам зачем? – с сомнением спросила Яна Стеллу. – Они не будут мешать?

– Дорогая, ну что за архаизмы? Мир уже давно переменился. Сейчас парни разбираются в моде в разы лучше девушек. И вообще, все знаменитые дизайнеры – мужчины.

– Ну да, только вот ты забыла упомянуть, что все они – геи, – насмешливо ответила Яна. – А наши парни вроде как не…

– Может, вы примете такое же активное участие и в нашей дискуссии, девушки? – голос Раисы Аркадьевны был таким ледяным, что где-то в

Антарктиде явно образовалась парочка новых айсбергов. – Стелла, почему бы тебе не помочь Артему разрешить его затруднение с нахождением логарифма?

– Разумеется, Раиса Аркадьевна, – издевательски покорно ответила Стелла, скосив глаза на часы. – Ну конечно, я помогу Артему с его затруднением. А особенно, если он соблаговолит немного отойти, чтобы я поняла, в чем же оно заключается. Ах, нет, не помогло – что за кошмарный почерк! Я не могу понять, что в последней строчке – это все еще решение уравнения или у него соскользнула рука…

По классу пронесся сдавленный смех. Ноздри учительницы угрожающе раздулись. Она уже открыла рот, когда прозвенел звонок.

– Ужасно жаль, – улыбнулась Стелла и поднялась с места. – Тёма, если тебе нужно будет помочь с еще какими-то затруднениями, я всегда к твоим услугам.

Бедный Артем едва не хлопнулся в обморок от такого повышенного внимания к своей персоне.

* * *

– Я готова биться об заклад, что у Волкова отношения с нашей биологичкой.

Яна взяла эффектную паузу, давая остальным время переварить услышанное. Вадим громко хохотнул, глаза Лены стали размером с пуговицы ее вельветового джемпера, а Ник только покачал головой.

– Откуда такие интересные сведения? – прищурившись, спросил он.

– Да ведь не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять это, – Яна с видом превосходства откинулась на спинку обитого мягкой тканью диванчика и принялась загибать пальцы с покрытыми коралловым лаком ногтями. – Я готова спорить на что угодно, что в дневник, который он дал ей на проверку, была вложена записка, а когда она возвращала его обратно, записки там уже не было. Во-вторых, она каждый раз, когда его нет на занятиях, интересуется у старосты, где он пропадает, хотя на всех остальных ей явно глубоко плевать. Кроме того, он палец о палец не ударил в прошлом году, а у него сплошные пятерки.

– Да расслабься, детка, он просто дал ей взятку, вот и все, – примирительно отозвался Вадим, проводя рукой по своей модной короткой шевелюре (Стелла никак не могла взять в толк, кому пришло в голову ввести в моду эти отвратительные прически, которые делали всех парней похожих на заключенных в колонии) и хватая очередной кусок пиццы. Стелла про себя подметила, что, если бы такие предположения касались девушки, Вадим с преогромным удовольствием развил бы тему.

– Она не берет взяток, – скривилась Яна, потягивая из трубочки грейпфрутовый сок.

– А что, ты проверяла? – хохотнул Вадим.

– Да, и не раз, – простодушно ответила за подругу Лена, и Яна послала ей сердитый взгляд. Нет, в наивности Лены, даже если она была наигранной, заключалось поистине что-то умилительное.

Они, как и договаривались, прогуляли последние уроки и приехали в ближайший торговый центр пообедать и отправиться на шопинг. У них была традиция каждые несколько недель выбирать себе новое заведение, где они и собирались после школы, щедро рассыпая чаевые направо и налево. Их компания уже успела сменить все кофейни и ресторанчики в этом торговом центре, обойдя стороной только «McDonald’s» – они единогласно решили, что это дешевая забегаловка для бедных. Так что теперь они расслабленно раскинулись за столиком возле огромного панорамного окна, через которое открывался прекрасный вид на город, и ели сырную пиццу. Стелла потягивала клубничный коктейль из обезжиренного молока – она твердо задалась целью влезть в платье самого маленького размера, который только найдется в магазине.

– А ты что думаешь, Стелла? – спросил Ник, и в уголках глаз у него искрился заговорщический смех.

Стелла отвлеклась от своего коктейля и посмотрела на Ника. Он ей, безусловно, нравился. У него были густые, сексуально падающие на глаза темные волосы, которые он постоянно отбрасывал (слава богу, он не последовал последнему писку моды на короткие стрижки), восхитительные голубые глаза и потрясающее чувство стиля, что она особенно ценила. Кроме того, он всегда оставался на голову выше тех пустяковых разговоров, которые вели их друзья, и

нередко обрывал их, когда они начинали действовать ему на нервы. Вот и сейчас он явно задал свой вопрос, чтобы она закончила эту бессмысленную дискуссию.

Стелла потянула с ответом, наблюдая, как трубочка чертит глубокие борозды в воздушной пенке ее коктейля. Все замолчали, ожидая, пока она вынесет свой вердикт.

– Думаю, что это все чушь собачья, – наконец сказала она, краем глаза заметив, как усмехнулся Ник. – Наша биологичка, конечно, та еще штучка и явно считает, что она до сих пор в соку, но она не законченная дура, чтобы встречаться с несовершеннолетним.

– Между прочим, у них не такая уж и большая разница в возрасте, – принялась яростно отстаивать свою теорию Яна. – Ей всего-то двадцать пять, а ему, как и тебе, через несколько месяцев восемнадцать. У моего отца с его новой женой разница в семнадцать лет. Как вам такое, а?

Отец Яны ушел от них пару лет назад, но она согласилась не устраивать ему истерики по этому поводу до тех пор, пока платила его кредиткой.

– Ах, дорогая, ну не сравнивай. Когда тебе за сорок, плюс-минус двадцать лет уже особой роли не играют.

Стелла допила коктейль, оставив примерно четверть бокала, как делала почти всегда, и поднялась с места, поставив точку в этом разговоре.

– Идемте, – бросила она, откидывая за спину длинные каштановые волосы и подхватив крошечную сумку, в которую умещалась только косметичка. – Выберем мне самое лучшее платье из того не слишком обширного выбора, что здесь предлагают. Яна, оставь ты в покое пиццу, нам еще нужно запихнуть тебя в тридцать шестой размер…

* * *

– О, это просто восторг, – буквально захлебнулась восхищением Лена, распахивая шторку примерочной и открывая Стеллу на всеобщее обозрение. Стелла только закатила глаза, поворачиваясь ко всей компании, которая

сгрудилась за спиной Лены, загораживая остальным проход. Что за дурацкая привычка открывать шторки без разрешения? Обычно таким страдают только мамочки, уверенные, что на их дочек никто не обратит внимания, в то время как их окидывают сальным взглядом презентабельные мужчины лет пятидесяти, поджидающие жен.

Стелла натянула лямку на плечо и покрутилась перед зеркалом, приподняв волосы, чтобы все лучше рассмотрели платье.

– Отпад, – поднял Вадим большой палец. Он готов был расхваливать любую одежду, у которой есть декольте.

Стелла окинула себя придирчивым взглядом. Переливающаяся дымчато-розовая ткань, ниспадающая до самых пят, усыпанный кристаллами пояс и глубокое узкое декольте… Хм. Платье смотрелось очень и очень неплохо, по крайней мере, явно лучше предыдущих пятнадцати, но дайте-ка подумать. Розовый, стразы и вырез до пупа. Кого же ей это напоминает…

– А ты что думаешь, Ник? – поинтересовалась Стелла, окинув его вопросительным взглядом. Мнение Ника она всегда особенно ценила, хотя он и предпочитал держать его при себе, в отличие от остальных ее друзей, которые вечно лезли со своими комментариями, когда их никто не спрашивал.

Ник с сомнением посмотрел на Стеллу своими яркими, как прожекторы, небесными глазами, словно сомневаясь, стоит ли рискнуть и сказать ей что-то, что ей определенно не понравится. Врать было ниже его достоинства.

– Нет, Стелла, – извиняющимся, но не терпящим возражений тоном сказал он. – Смотрится отлично, но это не твой стиль.

Стелла удовлетворенно кивнула. Ник оставался верен себе – его ответ прозвучал, как всегда, четко и без излишней лести, которую она хоть и любила, но в душе презирала. За это он ей и нравился. К тому же он высказал именно то, что думала она сама.

– Следующее, – громко сказала Стелла, и измученная молоденькая консультантка с раскрасневшимся лицом и кривыми стрелками на глазах поспешно подала ей очередное платье, подхватив цветочный ворох остальных,

отверженных небрежным мановением ее руки.

– Спасибо, девушка, – вежливо проворковала Стелла – родители приучили ее не кичиться своим положением и в определенных ситуациях держаться вежливой с персоналом, даже если ее и раздражала их нерасторопность. – Лена, не хочешь примерить? Мне кажется, платье гораздо лучше будет смотреться на тебе.

– О, значит, ты отдаешь его мне? – обрадованно воскликнула Лена. – Ох, Стелла, я уже говорила, что обожаю тебя?

Стелла тонко улыбнулась и, закрыв шторку, сняла платье через голову, оставшись в черном кружевном белье. Этот восхитительный комплект ее мама купила для себя в их последнюю поездку в Италию, но Стелле удалось убедить ее, что этот бюстгальтер невыгодно подчеркивает ее небольшую грудь. Мама всегда считала верхом несправедливости то, что у Стеллы грудь больше, чем у нее.

Стелла отдернула шторку и протянула Лене платье. Та восторженно прижала его к груди и тут же скрылась в соседней примерочной. Судя по похотливому взгляду Вадима, он успел увидеть ее в белье, но Стеллу это не слишком смутило – во время их сумасшедших пати они не видели друг друга разве только в скафандрах. Интересно, что бы сказал Макс, если бы узнал, что его лучший друг так откровенно на нее пялится?

Стелла уже собиралась примерить следующее платье, ткань которого сверкала, словно змеиная кожа, как вдруг резко передумала. Из-за своего взбалмошного характера она порой принимала молниеносные решения, которые напрочь противоречили тому, что она сказала буквально пару минут назад.

Стелла переоделась обратно в школьную форму и вышла из примерочной.

– Если сразу же не нашлось того, что мне нужно, значит, я пришла не в тот магазин, – коротко прокомментировала она и повернулась к девушке-консультанту. – Спасибо, девушка. Извините за беспокойство.

На лице консультанта отобразилась противоречивая смесь облегчения от того, что ей больше не придется подбирать Стелле нужный размер, и разочарования от того, что все ее усилия пропали зря и Стелла так и не пополнила ее скудную

зарплату процентом от продажи платья.

– Кстати, а где Яна? – вдруг спросила Стелла, не увидев подруги.

– Она минут десять назад зашла в раздевалку, и с тех пор оттуда доносится только какое-то странное пыхтение, – усмехнулся Вадим. – Заглянула бы ты к ней, что ли? Может, она там пыталась влезть в размер, который носила лет в четырнадцать, застряла и задыхается?

– Ты отвратителен, – сказала Стелла и толкнула его в бок.

– Полегче, красотка, – сдавленно прошипел он и одернул пиджак.

Стелла заглянула в раздевалку Яны и с огромным трудом сдержала смех – слова Вадима оказались как нельзя более близки к истине. Яна, с красным от злости лицом, смазанной губной помадой и растрепанными волосами, старалась натянуть на себя изумрудно-зеленое платье. Увидев Стеллу, она одновременно яростно и жалобно посмотрела на нее.

Стелла мгновенно разобралась в ситуации. После разрыва с Богданом Яна впала в хандру и несколько недель лечила разбитое сердце макарунами и заварными пирожными. И теперь ей пришлось столкнуться с последствиями – она перестала влезать практически во всю свою одежду. В другое время Стелла не преминула бы подшутить над ней – уж больно комично та выглядела. Но ее неожиданно разобрала жалость.

– Значит, так, – сказала она, решительно вторгаясь в раздевалку и полностью проигнорировав робкие слова консультанта, что туда нельзя заходить по двое. – Дорогая, давай будем рассуждать здраво. Даже если ты влезешь в это платье, тебе придется все время проводить стоя, потому что в противном случае оно треснет по швам.

– Но мне так нравится это платье! – простонала Яна, снимая его и оставаясь в красивом красном бюстгальтере с эффектом пуш-ап, приподнимавшем ее и без того внушительную грудь. – Может, я все же куплю его, и это будет для меня мотивацией к похудению?

– Ни в коем случае, – резко прервала ее Стелла. – Это просто жалко. Послушай, у тебя был нелегкий разрыв, и, что ж, ты немного набрала. Со всеми это иногда случается. (С ней самой этого никогда не случалось.) Просто смирись с этим и возьми такое же платье, но на размер больше.

– Черт возьми, Стелла, я скорее вскрою себе вены, чем позволю себе выйти в люди в платье сорокового размера, – раздраженно ответила Яна, и ее тон снова стал жалким. – Как думаешь, я слишком много набрала?

Стелла окинула ее придирчивым взглядом.

– Не критично, но больше позволенного, – безжалостно отрезала она. Она не хотела бы, чтобы Яна заедала горе до того момента, пока ей не удастся найти свой размер только в интернет-магазине. Так что гораздо благороднее с ее стороны будет дать ей дозу беспристрастной правды, ради ее же блага. В конце концов, у всех них в этой школе определенный статус, и это не дает им права расклеиваться и распускать себя.

– Возьми себя в руки, – продолжила Стелла. – Ты же не хочешь дать Богдану повод лишний раз порадоваться тому, что он променял тебя на эту маленькую дешевку? Черт возьми, заставь его кусать локти, что он упустил тебя!

– Да, ты права, – уже более бодро сказала Яна. Эта идея явно пришлась ей по вкусу.

Стелла улыбнулась. Она знала подругу как облупленную. Единственным способом придать ей сил был марафон «Заставь бывшего пожалеть о том, что он тебя бросил». Не лучшая терапия, но все же лучше, чем поглощать по пять тысяч калорий в день.

– К тому же мне это платье все равно не понравилось, – сказала Стелла напоследок, чтобы окончательно подбодрить ее. – Рыжие волосы и зеленое платье – кошмарное клише.

Это решило дело. Ни одна из ее подруг не купила бы себе платье без ее одобрения, последнее слово всегда оставалось за ней.

Через десять минут они уже заходили в очередной магазин. Счастливая Лена несла в руке фирменный пакет магазина с платьем, которое отвергла Стелла. Ради этой покупки она полностью вычистила свою кредитку. Парням явно надоела роль оценщиков, и они незаметно ускользнули в «Hugo Boss».

Интуиция Стеллы ее не подвела. Войдя в магазин, она буквально с порога увидела на манекене потрясающее платье, которое в точности отвечало ее капризному настроению, и сразу же поняла, что уйдет сегодня с ним.

– Вот оно, – удовлетворенно сказала она. – Будьте добры, мне нужно это платье тридцать шестого размера.

Десять минут спустя она царственным жестом отбросила бархатную шторку примерочной.

– Ну как вам? – выступая из полумрака примерочной, спросила Стелла, хотя и так прекрасно понимала, что выглядит потрясающе.

– Просто прелесть! – завизжала Лена.

– Вы выглядите восхитительно! Это платье словно создано для вас, – льстиво сказала консультант.

– И оно просто идеально на тебе сидит, – с завистью заключила Яна.

Стелла плавно закружилась, и мягкий шелк ласково, словно морская волна, обвился вокруг ее ног. Платье действительно было изумительно: глубокого насыщенно-лазурного оттенка, который столь выгодно подчеркивал ее яркую внешность, с эффектным вырезом до бедра, который приоткрывал ее длинную ногу, и соблазнительно обнаженной спиной, что особенно нравилось Стелле. Чувственно, элегантно, интригующе, но не чересчур откровенно – как она это называла, оставляет место для домыслов. Да, это определенно ее стиль.

– Это не мой размер! – раздался истеричный визг из соседней примерочной. – Вы что, не видите? Сюда бы уместилось три меня, да еще бы для вас место осталось, если бы вам были по карману такие платья!

Стелла, Яна и Лена тут же обреченно переглянулись. Им был знаком этот визгливый голос. Только. Не. Это. Стелла внутренне застонала.

Шторка отдернулась, и оттуда в ужасном бледно-салатовом, как капустный лист, платье с оборками вышла их хорошая знакомая, Марина Макарова. Она была старшей дочерью хорошо известного в их кругах Геннадия Макарова, директора сети фабрик по производству люстр. Если бы Стелла не была осведомлена об уровне его доходов, она бы в жизни не поверила, что на люстрах можно столько заработать.

Категоричный и жесткий в профессиональных делах Макаров явно обожал свою дочь, избаловав ее до предела. Стеллу же от нее просто тошнило. Если бы их родители не были партнерами, она бы побрезговала даже посмотреть в сторону Марины. Несмотря на переизбыток денег, та отдавала невыразимой деревенщиной. Хамские повадки, искусственно-высокомерный голос, выбеленные до вульгарного платинового оттенка волосы и отвратительный вкус в одежде (что было худшим из всего набора ее отталкивающих качеств) – вот что, по мнению Стеллы, представляла из себя Макарова. К тому же она обожала изображать истеричную особу с расшатанными нервами, которую ни в коем случае нельзя было выводить из себя – ей это почему-то казалось очень интригующим. А уж какими тошнотворными духами она пользовалась… Словом, единственным достоинством Марины были деньги ее отца, которые она даже не умела с умом потратить.

– Говорю вам, я не собираюсь терпеть такие оскорбления! – прокричала Марина. – Господи, сегодня все вокруг задались целью меня доконать! Вы завтра же будете уволены и даже не… Боже, Стелла! Девочки, какая неожиданность!

Марина подплыла поближе, чтобы заключить ее в объятия, и у Стеллы едва не начался приступ удушья от тяжелого запаха ее духов, цена которых наверняка равнялась половине стоимости их годового обучения.

– Недурное платье, – одобрительно заметила она, бесцеремонно оглядывая Стеллу с ног до головы. Девушку передернуло.

– У тебя тоже просто очаровательное. Надеюсь, ты его обязательно купишь, – не моргнув глазом сказала Стелла и услышала, как Лена подавилась смехом за ее спиной. Ну да, наверняка даже она заметила, что Марина выглядит в этом

платье, как огромный кабачок в юбке-пачке, на который напялили парик куклы Барби. Стелла очень надеялась, что Марина действительно купит это платье. Это уродство как нельзя лучше ей соответствовало.

– Ты так думаешь? – надменно поинтересовалась Марина. – Мне оно тоже кажется недурственным, вот только сначала пусть персонал удосужится принести мне правильный размер.

– Правда? А как по мне, оно как раз на тебя, – наивно проворковала Стелла. – Серьезно, сидит идеально.

Если бы Стелле пришлось покупать одежду такого размера, она бы сидела на трех оливках в день.

Марина поджала губы и решила перевести тему.

– Как я понимаю, вы тоже собираетесь на благотворительный вечер к Акининым? Если честно, это смех один. Акинина в последнее время целыми вечерами просиживает у нас дома и без конца жалуется на своего муженька. Так что этот благотворительный вечер организован вовсе не для бедных деток. Ей просто нужно чем-то себя занять, чтобы на время отвлечься от того факта, что ее брак трещит по швам.

– Интересно, это связано с тем, что у Акинина, по слухам, есть молодая любовница? – с интересом спросила Яна.

Стелла бросила на нее предостерегающий взгляд. Ей не слишком-то хотелось откровенничать с этой девицей, да еще и в таком людном месте. Но ей и самой было интересно, что там происходит за закрытыми дверями благовоспитанных Акининых, так что она решила послушать.

– О, там просто жуткая история, – Марина с такой готовностью начала выплескивать из себя сплетни, что Стелла заподозрила, что она только и искала свободные уши. – Акинин действительно себе кое-кого нашел, но не любовницу, а… любовника.

– Что ты сказала?! – как ни старались, Стелла и Яна не смогли скрыть своего шока. Лена же вообще едва не лишилась чувств от такой новости.

– Да-да, у меня была такая же реакция, – явно довольная произведенным эффектом, продолжила Марина. Она явно гордилась тем, что может похвастать своей осведомленностью в такой скандальной ситуации. – Акинина долгое время нам ничего не рассказывала, но в последний раз она явно перебрала с виски и во всем созналась. Нет, ну вы представляете?! Но, что самое удивительное, она считает, что измена с женщиной была бы для нее более унизительной. А так выходит, что виновата не она, а его скрытая ориентация. И, судя по всему, она не собирается с ним разводиться. Ну, по крайней мере до тех пор, пока он оплачивает ее пластические операции.

– На самом деле, это вполне ожидаемо, – заявила Яна, словно догадки на эту тему посещали ее уже давно. – Вы видели, какие узкие штаны он носит…

– Господи, я же теперь не смогу даже посмотреть на них! – в ужасе перебила подругу Лена. – Может, и вовсе не идти на вечер? Да нет, я же просто обязана показать это платье…

– Что за глупости? Мы все идем, – решительно сказала Стелла, как только Марина попрощалась с ними и продолжила перепалку с консультантами, явно забыв про свои расшатанные нервы. – Как по мне, так даже интереснее. Подумайте только, как весело будет наблюдать за их притворными любезностями, зная, что все это дешевый фарс.

– Да, может, в этом есть резон, – согласилась Яна.

Несколько минут спустя Стелла уже расплачивалась карточкой за платье, пребывая в прекрасном расположении духа. Парни ждали их на входе.

– Ну и разнесло же ее, – сказала она подругам, убедившись, что Марина их уже не слышит. – Вот что происходит, когда перестаешь взвешиваться по утрам.

– Да-да, я тоже заметила, – жизнерадостно подтвердила Яна. Не было ничего более поднимающего ей настроение, чем поправившаяся сильнее нее девушка. – Кстати, как ты думаешь, мне удастся скинуть несколько килограммов до воскресенья?

Вероника

– Чертовы деньги. Вечно из-за них расстраиваешься.

Джером Сэлинджер «Над пропастью во ржи»

Вероника быстро пересчитала мелочь в кармане и запрыгнула в распахнувшееся жерло переполненного трамвая. Девушка протолкнулась между животом какого-то дородного мужчины в спортивном костюме, от которого разило дешевым пивом, и увесистой сумкой брезгливо морщившей нос дамочки. Вероника терпеть не могла трамваи. Обычно она предпочитала прогуливаться до дома пешком, ведь она и так слишком мало времени проводила на улице. Но погода сегодня не располагала к прогулкам – во второй половине дня над городом сгустились мрачные свинцовые тучи, разразившиеся противным мелким дождем, который может без остановки лить часы напролет.

От радужного утреннего настроения Вероники не осталось и следа. Ей вообще-то нравилась дождливая погода, которая настраивала ее на мечтательный поэтичный лад. Но не тогда же, когда она оказывалась прямо под нещадно обжигающими каплями! Вероника успела промокнуть до нитки и от души позавидовать тем, кого забирали на шикарных тонированных автомобилях прямо от ворот школы.

Но настроение ее омрачилось вовсе не из-за погоды, а из-за пренеприятного разговора в школе. После ее ожидаемого провала возле доски Раиса Аркадьевна, на удивление, не поставила ей двойки. Но не успела Вероника воспрянуть духом, как та попросила ее заглянуть к ней после уроков. Вероника не обольщалась – вряд ли ей стоило ожидать чего-то прекрасного.

Раиса Аркадьевна сняла очки и положила их рядом с собой на стол. Это было верным признаком того, что она собирается поговорить, так сказать, в неформальной обстановке.

– Послушай, Вероника, – сказала она сурово, но не свысока, что считалось у нее высшей степенью расположения. – Думаю, ты догадываешься, о чем я хочу поговорить. Меня очень беспокоят твои успехи, вернее сказать, неуспехи в этом году. А ведь это только начало семестра, и дальше программа только усложнится. Если упустишь материал в самом начале, впоследствии будет гораздо сложнее втянуться. Ты это понимаешь?

– Да, Раиса Аркадьевна, – монотонно ответила Вероника, едва сдерживаясь, чтобы не поморщиться. Ей уже давно следовало ехать домой и собираться в музыкальную школу.

Учительница вздохнула.

– Я хочу, чтобы ты поняла, Вероника, что я позвала тебя поговорить не как педагог со своей ученицей, а как друг.

Только не это! Вероника мысленно застонала. За те деньги, которые они платили школе, учителя были для них и опекунами, и психологами, и лечащими врачами, и едва ли не тамадой в одном лице. Веронику просто выводило из себя, что каждый раз, когда у нее, по мнению какого-то заботливого преподавателя, было опечаленное лицо, ей приходилось доказывать, что она не подвергается домашнему насилию, не сидит на наркоте, ее не бросил парень и вообще, что она в полном порядке. Но Раисе Аркадьевне она, кажется, действительно нравилась, и это значительно осложняло дело. Ей было тяжелее просто соврать, чтобы побыстрее от нее отделаться.

– Я знаю, дело не в том, что эта тема слишком сложна для тебя, – продолжила учительница. – Поверь, если бы это было так, я бы просто поставила тебе четверку с минусом и даже не заводила бы этот разговор. Но ты очень способная девушка, а значит, дело в чем-то другом… Так в чем же?

Вероника почувствовала, что поневоле начинает злиться. Она вообще-то отличалась довольно мягким характером, но терпеть не могла, когда «с лучшими намерениями» начинали лезть в ее жизнь. Что ж, ну если ей так

интересно…

– Дело в том, что все мое время занимает музыка, – ответила она довольно дерзко по сравнению со своим обычным поведением. – У моей семьи, понимаете, нет денег, чтоб оплатить мне учебу в университете. Так что мой единственный шанс поступить на факультет вокального мастерства – это победить на ежегодном конкурсе. Тогда я смогу получить стипендию и обучаться бесплатно. Извините, Раиса Аркадьевна, но у меня не хватает времени, чтобы успевать везде, поэтому я расставила приоритеты. Как, кстати говоря, нам здесь все время и твердят.

Вероника была уверена – сейчас Раиса Аркадьевна оскорбится и возмутится, что она так презрела ее любимый предмет, и приготовилась к буре. Но, как ни странно, выражение лица учительницы ничуть не омрачилось. Напротив, она, казалось, даже была довольна.

– Что ж, я, собственно, так и предполагала, – невозмутимо констатировала она.

Ах, ну разумеется. Школа настаивала на том, чтобы быть полностью осведомленной об их внеклассной активности, и, придерживаясь современного прогрессивного подхода, поощряла их развитие в различных сферах. Так что ничего удивительного, что Раиса Аркадьевна в курсе ее увлеченности вокалом.

– Конечно, я понимаю, что отнюдь не для всех мои предметы так важны, как для меня, и не собираюсь скорбеть по этому поводу. Но сейчас речь даже не об этом. – Она вздохнула, сжав пальцами переносицу, а затем посмотрела прямо на девушку. – Скажи, Вероника, что ты намерена делать, если вдруг у тебя не получится победить на конкурсе?

Вероника оторопела. Ну ладно, это уж слишком!

– Пойду работать в ближайший супермаркет, вероятно, – раздосадованно ответила она.

– И совершишь огромную оплошность, – спокойно сказала Раиса Аркадьевна, и голос ее неожиданно потеплел. – Я прекрасно понимаю твои мечты и стремления. Ты считаешь, что пение – это твое призвание, и, возможно, так оно и есть. Но в шестнадцать ты еще не можешь знать наверняка. Поэтому я хочу

попросить тебя, опираясь на (надеюсь, ты не будешь спорить) все же более обширный жизненный опыт, – не лишай саму себя возможностей в жизни.

Ну разумеется, эти учителя всегда лучше тебя самой знают, что тебе нужно, а что нет, и тычут тебе в лицо своим жизненным опытом, который заключается только в том, что они прожили большее количество календарных дней. Но Раиса Аркадьевна не разговаривала свысока и не отдавала заносчивостью, и хотя бы поэтому Вероника заставила себя продолжить разговор.

– Что вы хотите этим сказать? – хмуро спросила она.

– Я хочу сказать, что ты оставляешь для себя одну-единственную, пока что слишком гипотетическую и неопределенную, вероятность – выигрыш на конкурсе вокала. Ты прикладываешь для этого все усилия, и это правильно. Дорога к мечтам, когда приходится самой прокладывать ее, лежит через упорство и терпение. Но ты отрезаешь себе все остальные пути. Ты отставляешь учебу на второй, или даже на третий план, принося ее в жертву пению. Но что, если вдруг – я сделаю ударение на вдруг – у тебя не получится победить? И в этом случае ты не только не сможешь поступить на факультет вокала, но и вообще никуда больше, провалив все обязательные экзамены.

– Я прекрасно это понимаю, Раиса Аркадьевна, – ответила Вероника, неожиданно успокоившись. – Но я все давно решила. Я и не хочу поступать никуда больше. Уже много лет пение – это смысл моей жизни, моя радость и моя отдушина. Если я и проиграю на этом конкурсе, значит, я буду целый год тренироваться еще усерднее и пробовать снова. И снова. И снова.

В глазах Раисы Аркадьевны промелькнула смесь восхищения и досады.

– Я не могу не отдать должное твоей решительности, Вероника, – неожиданно тепло сказала она. – И ни в коем случае не хочу ее пошатнуть. Уж слишком это редкое явление среди твоих сверстников. Уверена, ты знаешь, о чем я. Я рада, что ты понимаешь, что полагаться нужно только на себя и тебе не подадут ничего на золотом блюде. И все-таки, Вероника, пусть тебе кажется, что игра стоит свеч, но уж послушай меня – всегда, всегда нужно подготовить себе пути к отступлению. Пообещай, что хотя бы подумаешь над этим.

И вот сейчас Вероника ехала домой в смешанных чувствах. Чем упорнее она отстаивала свою позицию, чем больше делала вид, что ее совсем не тронули слова Раисы Аркадьевны, тем сильнее расшатывалась ее уверенность. Конечно, Вероника прекрасно понимала, что поставила на карту слишком многое, рисковала всем ради пения. Да и родители хотели для нее более устойчивого и надежного будущего, чем непредсказуемый и не дающий никаких гарантий мир эстрады… Серьезно, сейчас Вероника почти ненавидела Раису Аркадьевну. Она поселила в ее душе худшего врага – сомнение…

Так что, когда Вероника обнаружила, что дверь квартиры не заперта, она, полностью погруженная в свои мысли, даже не задумалась над этим. До нее дошло, что, вообще-то, обоих ее родителей не должно быть дома, только тогда, когда она сняла свои забрызганные грязью кроссовки и скинула куртку, с которой стекали дождевые капли.

– Эй, есть кто дома? – с запоздалым испугом крикнула Вероника. Ей вдруг вспомнились истории про грабителей, которые выслеживают, в какое время никого нет в квартире, и взламывают замки.

Единственным ответом ей послужил какой-то подозрительный звон из кухни. Решив, что грабители вряд ли выдали бы себя каким-либо звуком, Вероника осторожно заглянула на кухню.

Лучше бы там были грабители.

Мама Вероники, Вера Соболева, сидела на расшатанном, собственноручно обитом бархатной тканью табурете и бессмысленным взглядом смотрела перед собой. Она держала бокал с вином, а рядом стояла практически пустая бутылка. Мама обернулась на звук и наконец-то заметила дочь. Ее лицо, в котором еще проступала былая необузданная, хоть и изрядно поблекшая от непростой жизни красота, было красным от слез, а на ресницах, словно алмазы, поблескивали крохотные капли.

– О, привет, милая. Ты сегодня рано. – Мама перевела взгляд на часы и как-то истерично засмеялась. – Ах да, ну что я говорю! Ты ведь вернулась даже позже обычного. Какая я отвратительная мать, правда?

Это почему-то позабавило ее.

– Отвратительная мать, – еще раз со вкусом повторила она и отхлебнула вина.

Веронике наконец-то удалось сбросить с себя оцепенение. Она бросилась к матери и выхватила у нее бокал.

– Мам… что здесь происходит?! Что случилось?

Мама постаралась сфокусировать на ней блуждающий взгляд и начала рассказывать, захлебываясь обрывками бессвязных фраз:

– Эта проклятая дряхлая карга все-таки уволила меня. Придумала какой-то пустяковый повод… Сказала, что работница, на место которой меня приняли, выходит из декретного отпуска, и теперь я должна освободить ее законное место. Чертова лицемерка! Будто я законченная дура и не понимаю, что все это отговорки, что она только хотела от меня избавиться… Да-да, этой завистливой стерве просто нужно было от меня избавиться!

– Но зачем ей от тебя избавляться? – недоуменно спросила Вероника, незаметно убирая подальше от мамы остатки алкоголя.

– Да потому, что ее чертов похотливый муж не сводил с меня глаз каждый раз, когда приезжал за ней! Да-да, я вижу, ты удивлена, – торжественно сказала она, увидев, что у Вероники округлились глаза. – Но ты ведь уже достаточно взрослая, так что я могу не подбирать выражений. Так вот, он зарился на меня все это время, едва не роняя слюну. Как будто этого мало, у него хватило ума флиртовать со мной прямо на глазах у своей женушки. Нет, ну ты представляешь, каков идиот?! И, разумеется, она обвинила во всем меня! Конечно, это же моя вина, что ее муж – проклятый изменник и извращенец! Ему-то она ни слова не сказала, а спустила всех собак на меня!

– Но она не может уволить тебя из-за этого! – яростно воскликнула Вероника. – Наверное, можно доказать, что та девушка вовсе не возвращается на работу и…

Мама громко хохотнула.

– О, моя милая, не будь такой наивной! Даже если я это докажу, так она найдет другой повод. Скажет, что я недобросовестно отношусь к своим обязанностям,

например… Да и, строго говоря, в этом мире вообще не нужно искать никакого повода, чтобы избавиться от человека, если он не имеет никакого веса. Кто, спрашивается, сможет за меня заступиться? Ну что за неблагодарная жизнь…

Вероника тяжело вздохнула. Мама принялась за старое. «В этом мире»… В этом и заключался корень всех их проблем, по этой причине у мамы время от времени и происходили такие срывы. Она слишком хорошо помнила о том, как была избранницей судьбы.

Ее мама выросла в довольно богатой семье и долгое время беззаботно жила под крылом своего отца, безраздельно пользуясь его покровительством и его наличными. Он пристроил ее на неплохую, но, как она сама признавалась, чисто символическую должность в своей фирме, где она могла спокойно просиживать в мягком кресле изо дня в день, создавая видимость какой-то деятельности.

Все изменилось, когда она встретилась с Андреем. Мама в молодости была очень красива, взбалмошна и отвергала богатеньких сынков, партнеров своего отца, направо и налево. А вот в папу Вероники – молодого, неиспорченного, полного чистой жизненной силы и неподкупного обаяния – она влюбилась без памяти. Влюбилась настолько, что готова была закрыть глаза на то, что у него нет ни гроша за душой. Как они с папой любили рассказывать Веронике, они притянулись друг к другу с двух разных полюсов.

Папа Вероники почти сразу сделал ее маме предложение. Но такое родство совершенно не устраивало маминого отца, и он пригрозил ей, что она больше не получит от него ни копейки, если выйдет замуж за своего избранника. Но Вера отличалась своевольным и упрямым характером, а в омут любви погрузилась неистово и отчаянно, не видя ничего вокруг. Она предпочла отречься от семьи ради любимого.

Отец увез ее в свой родной город и с тех пор неустанно работал, чтобы обеспечить любимой хотя бы подобие той жизни, к которой она привыкла. Но ему так и не удалось добиться грандиозных успехов, как он ни старался. Мама с папой до сих пор нежно любили друг друга. Мама, по ее собственным словам, никогда не была так счастлива в своей золотой клетке, где она прозябала в бессмысленной меланхолии, как с ее отцом. За всю свою жизнь Вероника ни разу не услышала от нее ни слова о том, что она жалеет о своем выборе. И все же мама так и не смогла до конца примириться с бедной жизнью, тяжелым трудом и работой на кого-то, кто, по ее мнению, и в подметки ей не годился.

Вдруг мама снова разрыдалась.

– Боже мой, а как же огорчится Андрей! – сквозь всхлипывания простонала она. – Он ведь и так работает на нескольких сменах, чтобы…

Мама осеклась, но Вероника и так все поняла. Чтобы оплачивать ее учебу, ну конечно. Это, в дополнение к упоминанию об отце, вдруг разозлило Веронику.

– Блеск! Просто блеск! Отличное решение! – жестко сказала она, посмотрев маме прямо в глаза. – Значит, ты считаешь, что ему будет легче, если он увидит тебя в таком состоянии? Значит, это то, что ты выбираешь делать: сидеть здесь, напиваться и рыдать? Ты же сама меня всегда учила встречать все проблемы с высоко поднятой головой! А сама что делаешь? Подумай о том, как будет чувствовать себя папа, когда увидит тебя такой! Ты же его знаешь, он ведь себя обвинит в том, что ты несчастлива… А он так старается, чтобы мы обе были счастливы…

Мама всхлипнула и посмотрела на нее жалостливо и беспомощно, как ребенок:

– Да, но… Но что же нам делать? Мы не сможем протянуть только на зарплате твоего папы!

– Мы что-нибудь придумаем, – бодро сказала Вероника, создавая видимость уверенности, которой не было и в помине. Но в моменты маминых срывов именно Вероника из них двоих оказывалась более взрослой и рассудительной. – Все вместе. Как семья. Как мы всегда это делали.

– Да… Да, ты права, конечно же, придумаем. И в самом деле, чего это я… Не стоило мне так расклеиваться… Жаль, конечно, что я потеряла работу, но зато мне больше не придется наблюдать перекошенное лицо этой стервы… – Мама осеклась и тут же пришла в ужас. – Боже мой, сколько же всего я здесь наговорила! Немедленно забудь все, что я сказала! И главное, из-за чего… Можно подумать, в этом городе мало работы! Значит, так…

Вероника с облегчением увидела, что мама медленно, но верно приходит в себя. Она наблюдала это уже далеко не в первый раз – мамина необузданная натура заставляла ее погружаться с головой в собственные переживания и находить

даже какое-то своеобразное наслаждение в том, чтобы утопать в страданиях. Но она была слишком деятельной, чтобы долго прозябать в хандре, поэтому так же быстро выплывала на поверхность. Порой люди нуждаются только в том, чтоб их подтолкнули наверх. Вот и сейчас мама уже стряхивала с себя последние липкие обрывки слабости и быстро брала себя в руки.

– Мне нужно немедленно привести себя в порядок! – засуетилась она, подхватываясь с места. – Я сейчас же иду в душ. Андрей ни в коем случае не должен видеть меня в таком состоянии. Мне и так достаточно стыдно, что ты увидела меня в момент слабости… Ах, ну что за пример я тебе подаю…

– Забудь об этом, – сказала Вероника, сжимая ее руку. – Главное, поскорее приведи себя в чувство, пока не вернулся папа. Если хочешь, я останусь сегодня с тобой, и мы все…

– Останешься со мной? – Мама недоуменно посмотрела на нее и тут же спохватилась: – Господи, Вероника, тебе ведь уже нужно собираться в музыкальную школу! Не хватало еще, чтобы ты пропускала занятия из-за меня! И ты же совсем голодная после школы! Скорее, ты еще успеешь перекусить. И немедленно оденься потеплее – на улице кошмарная погода, и ты опять промочила ноги!

– Не переживай, мам, – улыбнулась ей Вероника. – Я все успею.

– Не сомневаюсь, милая, – сказала мама, вдруг прекратив свой хаотичный бег по квартире и глядя на нее с каким-то благоговейным выражением. – Ты всегда все успеваешь. Обещаю, и я постараюсь так же.

И она быстро скрылась в ванной, словно устыдившись своих слов.

Стелла

Я ничего не делаю, потому что не могу делать ничего такого, что стоило бы делать.

Скотт Фицджеральд «Прекрасные и проклятые»

– Да чтоб тебя… – выскакивая из такси, Стелла едва не подвернула ногу на мокрой брусчатке дорожки, ведущей к главным воротам дома.

Проклиная все на свете, она, цокая каблучками, поспешила поскорее спрятаться под крышей их шикарного фамильного особняка с огромными арочными окнами, остроконечной крышей, покрытой красной черепицей, и изящной верандой. К главному входу вела величественная лестница, надежно укрытая под навесом и окруженная витыми колоннами. На территории особняка то и дело мелькали рабочие в мокрых костюмах, которым и дождь не был помехой, если им за это заплатить.

Стелла скривилась. Ее мама в последнее время совсем свихнулась и принялась перестраивать дом на европейский манер. Отец был достаточно занят, управляя сетью отелей, и закрывал на это глаза, лишь бы она его не трогала. Так что теперь с утра до ночи Стелле приходилось терпеть ругань и раздражающий звук дрелей рабочих, которые меняли конструкцию балконов, устанавливали цветные витражи и возводили остекленные по всему периметру помпезные эркеры.

М-да, вот что происходит, когда некуда девать время.

Стелла вошла в прихожую и, небрежно бросив сумку от «Louis Vuitton» на пол, раздраженно пригладила влажные волосы. Она ненавидела дождь, потому что тогда ее ровные пряди, которые она укладывала утюжком каждое утро, начинали отвратительно завиваться. Ее мама терпеть не могла, когда дочь выглядела не идеально.

– Мам, я приехала! – крикнула Стелла.

Она была абсолютно уверена, что мама дома. Она всегда была или в особняке, или в салоне, или на шопинге. Но в такую погоду она обычно начинала жаловаться на мигрень и предпочитала оставаться дома, валяясь на диване с

тканевой маской на лице и опустив ноги в теплую ванночку с розовым маслом.

Стелла, услышав какую-то абсолютно наркоманскую музыку из гостиной, направилась туда, прихватив фирменный бумажный пакет магазина с купленным платьем. Мама обожала разглядывать ее покупки.

Мама Стеллы, Наташа Воронцова, стояла в абсолютно немыслимой с точки зрения всех законов физики позе, так что Стелла даже не сразу поняла, где находятся ее руки, а где ноги.

– Привет, детка, – донесся из этого загадочного переплетения бодрый голос ее мамы, и Стелла наконец-то разобралась, с какой стороны находится ее голова.

– Фу, мама, обязательно делать это здесь? Это отвратительно, – скривилась Стелла и сделала музыку тише.

Ее мама наконец-то приняла нормальное положение. Она была одета в чересчур обтягивающие лосины и короткий топ от «Balenciaga». Оправив повязку на голове, мама с чувством превосходства посмотрела на нее.

– Между прочим, это новая японская система упражнений для омоложения тела, души и разума. И, вместо того чтобы закатывать глаза, я бы на твоем месте взяла их на заметку. Я всегда говорила: красота – это то, что нужно лепить, взращивать и поощрять. Поверь мне, дорогая моя, когда тебе будет сорок, я буду выглядеть на тридцать пять.

Ее мама была помешана на сохранении молодости с тех пор, как обнаружила у себя седой волос. С тех пор она только тем и занималась, что готовила по утрам тошнотворные зеленые смузи, ела ягоды годжи, наносила на лицо глину с добавлением эфирных масел и извращалась в гибкости по программам каких-то фриков из тянь-шаньских гор.

Мама Стеллы для своих тридцати девяти имела потрясающую фигуру и запрещала дочери на людях называть себя мамой. Кроме того, она считала, что с лихвой выполняет свои родительские обязанности уже тем, что прекрасно выглядит и не лезет в личную жизнь Стеллы. Та не имела ничего против. Ей казалось, что, если бы они с мамой общались поближе, она бы терпеть ее не могла.

– Мама, прекрати, мне же только семнадцать.

– Уже почти восемнадцать, – не моргнув глазом, ответила та. – Когда тебе будет тридцать, начинать следить за тонусом кожи уже окажется поздновато.

– Я купила новое платье, – сказала Стелла, соблазнительно шелестя пакетом, чтобы отвлечь ее от этих дурацких разговоров.

– И даже не прислала мне фотографию, чтобы я одобрила? – возмутилась мама. – Кстати, когда ты успела? У тебя же должны были только закончиться занятия.

– Я совсем забыла про благотворительный вечер у Акининых. Пришлось прогулять последние уроки и поехать на шопинг.

– Какой ужас, Стелла, – укоризненно сказала мама, поцокав языком.

Она говорила эту фразу всякий раз, когда ее раздирали противоречия: с одной стороны, она чувствовала, что обязана что-то сказать, а с другой – она ненавидела читать нотации. Ей очень хотелось быть такой себе клевой современной мамой и находиться с подростками на одной волне, прямо как мать Реджины Джордж из фильма «Дрянные девчонки». Ну, разве что только без искусственного бюста шестого размера.

Родители Стеллы, как и многие их друзья, явно насмотрелись американских сериалов и придерживались их методики воспитания. Ничего не запрещайте детям – и им не захочется это делать. Позволяйте им пить – и они не станут покупать наркоту. Разрешайте им прогуливать уроки – и у них не будет соблазна пойти под откос и проиграть все родительское имущество в казино. Ну, и все в таком роде.

– Ох, я была абсолютно уверена, что платье тебе понравится. Оно просто идеально! – прощебетала Стелла и достала платье, позволив ему эффектно заструиться до самого пола.

– Хм, – мама рассматривала его с таким пристальным вниманием, с каким ценители искусства обозревают «Мону Лизу» в Лувре. – Действительно, в общем и целом довольно достойно. Я обожаю, когда ты становишься центром

всеобщего внимания, милая. Ах, я сразу же вспоминаю себя в твоем возрасте…

На этом месте лицо ее мамы немного омрачилось, но Стелла не поняла, почему. Однако та с молниеносной быстротой вернулась к своему прежнему деловитому тону:

– И уж постарайся затмить эту вездесущую долговязую дочку Лары Акининой, которой она умудряется похвастать даже в разговоре о консервных банках. Вчера мы с Германом встретились с их семьей в опере, как я не пыталась отводить глаза. Так вот, Лара мне все уши прожужжала о том, что ее Амина встречается с сыном какого-то захудалого министра. Как это банально. Это даже хуже, чем встречаться с футболистом – те хотя бы не такие занудные сухари. Серьезно, ты должна выглядеть лучше Амины, чтобы ее мать заткнулась хотя бы на неделю.

– Думаю, мам, тебе полегчает, когда ты узнаешь, что мне рассказала сегодня Марина, – захихикала Стелла.

– Это та, что надевает бюстгальтер с бретельками под платье без верха? – поинтересовалась мама.

– Да-да, именно. Но даже от нее, как оказалось, может быть какой-то толк. В общем, она подслушала, что муж Акининой променял ее на – господи, ты просто не поверишь! – на мужчину. Как тебе такое, а? Так что не суди ее слишком строго. Что ей, в конце концов, еще остается делать… Когда муж тебя позорит, вся надежда на детей, ха-ха.

– Да что ты говоришь?! Боже ты мой, просто поверить не могу! Какой скандал! – захохотала мама. – Нет, ты положительно подняла мне настроение! Подумать только… Хотя чему тут удивляться? С такой женой, как Лара, кто угодно бы сменил ориентацию…

После того, как мама вдоволь наигралась этой новостью, она вдруг спохватилась:

– Кстати, будь готова сегодня к вечеру. К нам на ужин приглашены гости.

– О-о-о, нет… – простонала Стелла.

Стелла ненавидела эти пафосно-церемонные ужины с партнерами ее отца, на которых все надевали на себя лживые маски толщиной с Китайскую стену. Эти полуофициальные трапезы проводились как бы с дружескими намерениями, но на самом деле служили поводом для того, чтобы укрепить партнерские отношения и проверить, все ли еще в силе их деловые соглашения. Если приглашение на ужин принято – значит, дело в шляпе. Это как в старину – если попробовал еды под чьей-то крышей, то уже не имеешь права выступить против хозяина. И да, Стелла получала высшие баллы по истории.

– И кто же будет? – уныло поинтересовалась она.

– Соколовские, Пономаревы, Лида Дегтярова – без мужа, к счастью, зато со своим сыном. Как там его… То ли Артем, то ли Артур…

– Эдик, вообще-то, – убитым голосом сказала Стелла.

– Ах да, точно.

– А мне обязательно присутствовать?

Ладно, семейство Соколовских – это еще куда ни шло. Но Пономаревых она не переваривала. Анна Пономарева разговаривала с ней тем снисходительным тоном, которым говорят с детьми, когда хотят сделать вид, что воспринимают их как взрослых. Ну а ее муж был просто отталкивающе некрасив, как смертный грех. Стелла ненавидела некрасивых и толстых. Они разрушали ее веру в то, что, если у тебя есть деньги, ты всегда выглядишь шикарно. А уж Эдик Дегтяров…

– Ну разумеется, ты обязана, – голос ее мамы враз посуровел. – Ты же дочь хозяина дома, так что на тебя налагаются определенные обязательства. И, будь добра, выровняй волосы. Они завились от дождя и торчат в разные стороны. Помнишь, что я всегда тебе говорила?

– Слишком большая роскошь позволять себе не выглядеть идеально, – монотонно пробурчала Стелла, как будто отвечая на вопрос учительницы.

– Вот именно, дорогая, – одобрительно подтвердила мама и вновь приняла позу «Триконасана» – ну или как там она называется…

Стелла закатила глаза и направилась в свою комнату. Она испытывала по отношению к своей маме смесь жалостливого снисхождения и скрытого восторга – казалось, даже если по ней проехаться бульдозером, она все равно будет выглядеть с иголочки.

– Ах да, кстати, – окликнула мама Стеллу, когда та уже начала подниматься по высокой лестнице с изящно изогнутыми перилами, – твой дядя проездом в городе, так что он тоже будет присутствовать.

Мамин голос буквально брызнул ядом. Она терпеть не могла своего деверя Александра, который просил называть его просто Алекс, что тоже очень бесило маму. Она считала дядю бездельником, безалаберным гулякой и отъявленным бандитом, что, собственно, не особо грешило против истины (кроме разве что последнего, но Стелла не могла быть уверена наверняка). Стелла же его просто обожала – он вносил толику безбашенного разнообразия во все это чинное окружение ее родителей. К тому же он всегда ужасно смущал своими двусмысленными шуточками ее семейку, и уже за это Стелла его любила. Они с дядей всегда весело проводили время, так что этот вечер, возможно, и не будет безвозвратно загубленным.

Стелла поднялась по лестнице и зашла в свою комнату на втором этаже. Это было просторное светлое помещение с огромными панорамными окнами с достаточно роскошным интерьером, чтобы удовлетворить прихотливый вкус Стеллы, но не настолько конфетно-приторным, чтобы о нем можно было снисходительно сказать «девчачий». Обои приятного персикового оттенка, атласные простыни на огромной кровати, огромный шкаф, который, несмотря на свои габариты, едва вмещал всю ее одежду, стеклянный столик, большое овальное зеркало в серебристой раме, ароматические свечи и свежие цветы в вазах, которые горничная меняла каждый день, – все здесь было прелестно и подобрано со вкусом, как у королевской особы.

Стелла запрещала горничной убирать в своей комнате – она очень щепетильно относилась к личному пространству. Однажды она закатила истерику только потому, что мама переставила ее косметичку, и с тех пор все боялись трогать ее вещи. Так что сейчас комната Стеллы находилась не в лучшем виде: на трюмо были разбросаны ее кисти, помады и кремы, на кровати валялись отверженные

детали гардероба, а на столике лежала забытая пачка сигарет «Winston» с персиковой капсулой. Рядом находилась ее записная книжка, на обложке которой были изображены сложенные в поцелуе губы с припиской: «Хо-хо».

Стелла купила ее, когда только начала фанатеть по «Сплетнице». Она делала в этой книжке записи с самого детства. Но это был не глупый дневник, который обычно ведут девчонки, описывая свой первый поцелуй, сплетни о подругах и прочую ерунду. Нет уж, Стелла считала практику ведения дневника давно устаревшей. К тому же, если бы с ней что-то случилось, то ее дневник отдали бы копам, и те прошерстили бы его от корки до корки. Или, что еще хуже, в нем бы копались ее любопытные подруги, как в «Милых обманщицах» после загадочного исчезновения Элисон ДиЛаурентис. Стелла иногда обожала придумывать всякие душещипательные повороты собственной жизни, потому что сама она, как иногда казалось, еще до семнадцати лет испытала все, что только можно, и сейчас умирала со скуки.

Нет, эта записная книжка служила совсем иным целям. Стелла окрестила ее «воспитанием личности» и создавала и оттачивала в ней собственный образ. Это началось в виде детской забавы и как-то незаметно растянулось на годы. Здесь Стелла вдумчиво составляла списки: какими чертами характера она обладала, какими, по ее мнению, ей следует обзавестись, чтобы держать марку, а от каких лучше было бы избавиться. Например, в первой колонке у нее значились «остроумие» и «педантизм», во второй – «умеренная саркастичность» и «безграничная уверенность», а в третьем – «подлость» и «лицемерие». Последние черты она в себе тайно презирала, но тем не менее не брезговала пустить их в ход, когда того требовали обстоятельства. Это были неотъемлемые составляющие ее от природы несовершенной женской сути, которые она и ненавидела, и философски принимала как должное.

Также Стелла любила продумывать гипотетические разговоры и ситуации, чтобы заранее прикинуть, как ей лучше себя повести и какую личину принять. Опираясь на ее собственные записи, с бизнес-партнерами отца она должна быть «уверенной, церемонной, приятно-располагающей», с подругами – «держащей все под контролем, неоспоримым лидером, образцом вкуса, время от времени приближающей и поощряющей». С парнями, которые ей нравятся, – «обольстительной, умеренно-холодной, временами романтично-задумчивой, кокетливой, но не доступной», а с теми, кто не нравится, – то же самое, но только ради забавы. Сложнее всего было с теми чертами, которые противоречили друг другу, – она должна быть беззаботной, но не

поверхностной, ироничной, но не злоязычной, остроумной, но не простецки-веселой, сексуальной, но не вульгарной. Но на что только не пойдешь, чтобы тебя считали разносторонней и очаровательно-непредсказуемой! Только дураки думают, что популярность – это призвание. Популярность – это стратегия. Коротко говоря, весь смысл жизни Стеллы сводился к тому, чтобы производить впечатление.

Наведя на скорую руку порядок, Стелла принялась подбирать наряд на сегодняшний вечер, что стало для нее очередным марафоном под названием «что-то достаточно эффектное, чтоб произвести впечатление, но не до такой степени, как будто я из кожи вон выпрыгиваю ради ужина в собственном доме». Она как раз выбирала между шелковой блузкой-боди и рубашкой с неглубоким вырезом, когда ей позвонила ее подруга Ксюша.

Вообще-то, они с Ксюшей не ладили до того момента, пока она два года назад не закончила школу и не укатила учиться в Германию. А вот после ее отъезда они неожиданно настолько сблизились, что их почти можно было назвать подругами, если бы для Стеллы вообще существовало такое понятие. Это стало возможным исключительно благодаря тому, что они жили в разных странах, – при ином раскладе они растерзали бы друг друга. А так им удавалось поддерживать благодушные отношения и даже иметь довольно сносное мнение друг о друге.

Ксюша могла говорить только про моду, скандалы и секс, но все это складывалось в настолько цельную картинку, что она казалась крайне интересной личностью. Она обожала со скучающим видом повторять, что пресытилась жизнью, а любой парень надоедал ей в среднем за две с половиной недели. Ксюша уехала учиться в другую страну только потому, что, по ее собственным словам, здесь она уже сделала все, что только можно сделать в жизни. Там же можно было делать то же самое, но хотя бы на другой территории.

Стелле нравилась Ксюша за то, что она не старалась никому понравиться – напротив, она предпочитала вызывать у всех самые негативные чувства. А еще она могла с легкостью превратить рассказ про самые заурядные посиделки в сагу похлеще, чем «Мальчишник в Вегасе». Кроме того, Ксюша обожала свою «маленькую подружку» и постоянно отправляла ей подарки из Европы. Ксюша не уставала повторять, что Германия – лучшая страна на свете, потому что там потрясные парни и страшные, как смерть, девушки. Кроме того, охрана там слишком верит в благовоспитанность граждан, поэтому, когда ей нечем было

заняться, она воровала в магазинах помаду и брендовые трусики.

Проболтав с Ксюшей пару часов по телефону и с завистью послушав о том, что маме удалось выцепить ей место на Неделе Моды в Милане, Стелла едва не забыла, что в семь часов приходят гости. Распрощавшись с Ксюшей и прихорошившись, Стелла нацепила подходящую к случаю благовоспитанно-приветственную улыбку и спустилась вниз, чтобы вместе с родителями встретить пришедших.

Вероника

– Странная вы все-таки женщина, Николь.

– Ну что вы! – поспешно возразила она. – Самая обыкновенная. Верней, во мне сидит с десяток самых обыкновенных женщин, только все они разные.

Скотт Фитцджеральд «Ночь нежна»

Вероника выскочила на улицу и застонала – она надеялась, что дождь уже прекратился. Но вокруг было стыло, блекло и мерзко – прямо как в ее душе после разговора с мамой. Вероника чувствовала себя абсолютно выжатой.

Со вздохом она поплотнее запахнулась в кожаную куртку и спрятала под капюшон свои светлые волосы, чтобы хоть немного защититься от дождя. Но не успела она пройти и нескольких кварталов, когда из-за ее спины неожиданно донесся задорный голос:

– Эй, Ника! Ныряй ко мне!

Сердце Вероники пропустило удар. Ее, вообще-то, называли сокращенным именем только родители, но ему она готова была позволить называть ее как угодно. Вероника медленно обернулась и торопливо убрала с глаз влажные пряди.

Перепрыгнув через грязную лужу и улыбаясь широкой обаятельной улыбкой, с ней поравнялся невысокий парень. Его слипшиеся от дождя светло-рыжеватые волосы были единственным ярким пятном среди окружающей серости. На нем была огромная толстовка от «Hollister», из выреза которой свисали проводки наушников, широкие джинсы с вырезами на коленях и потертые красные кроссовки, забрызганные дорожной грязью. На голову он натянул капюшон. На плечо был накинут футляр с гитарой, а в другой руке он держал раскрытый черный зонт.

Ее одноклассник… Парень, который жил в соседнем доме… Который ходил с ней в одну музыкальную школу… Который постоянно был так дразняще близко, но с которым они за все время знакомства перекинулись лишь несколькими ничего не значащими разговорами кое-как и промежду прочим. Который относился к ней не лучше и не хуже, чем ко многим другим. И в которого она была тайно влюблена с того момента, когда ей вообще начали нравиться мальчики.

Матвей.

– Давай скорее! – подмигнув, поторопил он ее. – Твое счастье, что у меня тоже сегодня занятия, а не то ты бы совсем расклеилась.

– Ты настоящий спаситель, – с облегчением сказала Вероника, смущенно прячась к нему под зонтик. Она робко остановилась под самым краешком, но Матвей, усмехнувшись, только покачал головой и подошел поближе. Теперь они шли совсем рядом, соприкасаясь локтями в моменты, когда старательно огибали лужи.

Вероника поблагодарила высшие силы за то, что она встретила его именно сейчас. За этот день она испытала столько разнообразных эмоций, что ее лимит был исчерпан. В противном случае она, как и всегда, пришла бы в такое волнение, что не смогла бы связать и нескольких слов. Сейчас же она была выжата и почти спокойна.

– Почему ты не был в школе? – поинтересовалась она, краем глаза глянув на его бледноватое, но вполне цветущее лицо со слегка асимметричными чертами. – Ты не выглядишь больным. Решил взять тайм-аут?

– Что-то вроде того, – усмехнулся он. – Пришлось смотаться по делам с родителями. Хотя я, вообще-то, расстроился. Я, знаешь ли, обожаю школу. Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как наблюдать за нашими одноклассниками. Нигде не встречал такого удивительного набора клише. Один интереснее другого, ты не находишь?

Вероника про себя улыбнулась. Матвей был кем-то вроде промежуточного звена между чудаком и добровольным изгнанником. Он, насколько могла судить Вероника, был из вполне обеспеченной семьи, но просто ненавидел «всех этих высокомерных придурков» из их школы, не беспокоился насчет своего статуса и пренебрегал деньгами. Он носил потертую одежду из секонд-хенда в лучших традициях хиппи, набил татуировку даже раньше Вадима Вакулы, презирал классовое неравенство и совершенно плевал на то, кто что о нем думает. В школе он сидел в одиночестве за последней партой, снисходительно разглядывал своих одноклассников и откровенно насмехался над их напыщенностью. Своим добровольным отречением он непринужденно придал образу изгоя ореол романтичного бунтарства.

Матвей тусовался с ребятами из обычной, государственной школы по стройкам и подворотням, много курил, играл на гитаре, сочинял песни и предавался разным другим причудам. Однажды на уроке литературы, когда все читали наизусть стихи Лермонтова, он заявил, что в них слишком много надрыва, и вместо этого продекламировал несколько четверостиший собственного сочинения. Что-то о том, как хороша жизнь до тех пор, пока не узнаешь ее. Никто из парней в классе не решался его трогать, потому что ему было так откровенно наплевать на них, что даже им становилось неловко. Девчонки между собой насмешливо именовали его фриком, а втайне мечтали о том, чтобы с ним переспать, ведь он был такой необузданно-загадочный.

– Не понимаю, и что ты в них находишь? – недоуменно спросила Вероника. Ее настроение ничуть не улучшилось. – Я терпеть не могу ни нашу школу, ни одноклассников. Я бы с удовольствием перевелась в обычную школу, если бы можно было.

– Зачем же? – удивился Матвей. – Я вот ни за что бы не упустил возможности там находиться. Это же прямо как в каком-то фантасмагорическом театре – все играют строго отведенную роль, причем настолько четко и слаженно, как будто репетируют ее с рождения. А самое интересное, каждый искренне считает, что его роль там главенствующая, а все остальные – лишь куклы в их собственном спектакле. Тебя это не забавляет?

Нет, ее это ни капли не забавляло. Но это был их первый разговор не о домашнем задании, погоде и музыкальной школе, так что Вероника ухватилась за эту возможность.

– Вообще-то, не особо, – искренне ответила она – упрямая честность не позволяла ей играючи делать вид, что она его понимает. – Знаешь, я не слишком наслаждаюсь тем, что вокруг меня все носят маски. Когда мне говорят, что я сегодня хорошо выгляжу, мне хотелось бы быть уверенной в том, что именно это они и подразумевают.

– Когда тебя что-то раздражает, просто слепи из этого то, что тебе нравится, – глубокомысленно сказал Матвей. – Я вот как могу наслаждаюсь тем, что разгадываю двусмысленности. Серьезно, ты только вдумайся – никто на самом деле не говорит того, что думает на самом деле. Обычно все пытаются спрятать поглубже свои худшие качества, а там выставляют их напоказ. Самым главным становится тот, кто делает это наиболее изворотливо, буквально вылепив из них свой образ.

– Это ты о Воронцовой? – Вероника пожала плечами. – Я всегда поражалась этому – чем больше она плюет всем в лицо, тем больше к ней липнут, прося добавки. Даже те, кто ее ненавидят, ищут ее расположения. Как по мне, это глупо.

В это время она украдкой разглядывала его профиль: вздернутый заостренный нос, маленькая родинка на подбородке, едва видневшиеся над губой рыжеватые штрихи…

– А как по мне, вполне объяснимо. Я всегда считал, что самое большое искусство – добиться расположения того, кого ты терпеть не можешь, и, главное, того, кто терпеть не может тебя. Слишком легко заинтересовать человека, которому ты и так нравишься.

– Значит, следуя твоей логике, раз ты не любишь таких, как Стелла, то тем интереснее тебе им понравиться? – этот вопрос Вероника задала до такой степени небрежно, что испугалась, как бы Матвей не догадался о его подоплеке.

Матвей пожал плечами, и зонтик над их головами подпрыгнул.

– Да, пожалуй. Но мне просто жаль тратить на это силы. Я на самом деле очень ленив. К тому же меня слишком воротит от стерв.

– И все равно я не понимаю, – подавив затаенное удовлетворение, вызванное этими словами, сказала Вероника. – Разве в обычной школе, где у тебя столько друзей, не происходит все то же самое?

– Если смотреть поверхностно, то абсолютно везде происходит то же самое. И все-таки те, у кого нет денег, более заурядны. И знаешь, почему? – Он так спешил развить эту мысль, что не дождался ее ответа. – Потому что слишком много времени у них уходит на решение того, как выжить. Ну, заработать на еду, наскрести денег на поступление и так далее. А вот у детей богатеньких родителей времени уйма. Им совершенно нечего делать, поэтому они занимаются тем, что копаются в себе и других, извращаясь в различных чертах характера, как в игре в пинг-понг.

– Значит, ты думаешь, что бедняки вроде как лишены индивидуальности? – резко спросила Вероника. Почему-то ей показалось, что это камень в ее огород.

– Я этого не говорил! – возразил Матвей. – Просто у них нет возможности ее сформировать. У богачей все выражено как-то… ярче. Знаешь такую фразу: «Сначала нужно спасти людей от нищеты моральной, и…

– …и лишь тогда можно будет спасти их от нищеты духовной», – перебила его Вероника. – Да-да, я тоже читала «Коллекционера». И главная героиня показалась мне не менее странной, чем тот псих, который запер ее в подвале. А знаешь, ты рассуждаешь тоже очень странно.

– Правда? Я польщен. Как пела Мелани Мартинес: «Все лучшие люди – безумцы».

– О, мне… мне очень нравится эта песня, – взволнованно сказала Вероника. – Я даже хотела исполнять ее на конкурсе в этом году, но Альбина сказала, что это будет не самый выигрышный вариант.

«А вдруг Матвей подумает, будто я ляпнула это только чтобы понравиться ему!» Но он заинтересованно посмотрел на нее своими искристо-зелеными, как буковые листья, глазами. Вероника заметила в них несколько коричневых крапинок.

– Правда? А мне кажется, что это было бы круто. Но, если позволишь, тебе подошло бы что-то более… проникновенное. – Он на несколько минут задумался, подбирая слова. – Такое, чтобы за душу взяло. Мне кажется, в тебе есть эта… нотка влияния. Жалко будет растрачивать ее. Ничего в этой жизни не должно пропадать зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rasputnyaya_ol-ga/na-grani-sveta-i-teni-kniga_1

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити